

ВЕХИ ИСТОРИИ

ВРЕМЕНА
СОБЫТИЯ
ЛИЦА

Сборник

**Вехи истории. События.
Времена. Лица**

«Литературная Республика»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

Вехи истории. События. Времена. Лица / Сборник —
«Литературная Республика», 2019

ISBN 978-5-7949-0675-2

В сборник вошли произведения российских поэтов и прозаиков XX–XXI
века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0675-2

© Сборник, 2019
© Литературная Республика, 2019

Содержание

Поэзия	9
Александр Дорожинский	9
Кусочек неба на земле	10
Алексей Дмитриев	13
Культура	13
Девятнадцатый Век	13
Царская Семья	13
Третьяковская Галерея	14
Вдохновение	14
Экзистенция	14
Там, где...	15
Новый Иерусалим	15
«Излил дары святых пророчеств...»	15
Крестное знамение	15
Анатолий Короткое	17
Перестройка	17
Про деда Ермолая и сына его Никиту Кожемяку	18
Сказ про Никиту Кожемяку, отца его Ермолая и Великого князя Владимира	24
Перевал Дятлова	29
Андрей Бондарь	30
Разговор с Есениным	30
Антонина Шматкова	32
Вечная память	32
Борис Першуткин	35
Про старость в России	35
Не верьте никогда...	35
Не просто	35
Просто мысли...	36
«Мы мало ждём, а больше всё спешим...»	36
Каждый выбирает по себе	36
Неопределенное	36
Перемирие...	37
Букеты слов собрав...	37
Валентина Шлыгина	42
Два государства!	44
Россия!	44
Украина!	45
Славянам братство вернуть!	46
«Политики в странах меняются...»	46
Валерий Бокарев	48
Русь	48
Виктор Авин	52
Петербургский ангел	52
Маргарита здесь больше не летает	52
«Где ты?»	53

Вавилонская башня для Гуливерки	53
Когда как в Европе жить хорошо	54
Точка сборки	55
Виктор Костров (Банофэ)	56
Сказки живут в ее душе	56
Картина «Пепел утраченных книг»	57
Ночь накануне Рождества	58
Пришла сказочная зима	58
Обещание кошки КЭТ	59
Виталий Григоров	61
Атака мертвецов	61
Владимир Морозов	62
Осень 2018 года	62
19 августа 2011 года	63
Вовка Попов	65
Уже вовсю торопится весна	65
Ночь в Коломне	66
Русь. Церковь вида неземного	67
Этюды. Гаснет закат	68
Галина Брусницына	69
Их крестили не в церкви	69
В детской, или декабрь 1836-го	69
Сола	70
Галина Спиридонова	72
О времени и девушке с веслом	72
Эхом память из Древнего мира	72
Байкал	73
Салют винограду в кувшине	74
Так было испокон веков	74
Война звучит, как приговор	75
Висячие сады Семирамиды	76
Почти зима, почти Париж	77
Далила	79
Братская могила	79
Париж	79
Версаль	79
Колыбель искусства	80
Мое духовное творение	80
Дай времени время	80
Казнь	81
Памяти Плисецкой	81
Цветок Адониса	81
Моя вечность	81
У рояля	82
Дмитрий Немельштейн	83
Зенитчики	83
Евгений Бузни	93
Горки Ленинские	93
Елена Вагнер Федосеева	97

Отрывок из аудио-видео-электронной книги «Муза поэта. Парижская любовь Маяковского»	97
Елена Егорова	98
Чудный остров	98
Елена Павлова	100
Город-призрак	100
Поездка в Гатчину	101
Крым. Воронцовский дворец	101
Ирина Лесная-Иванова	104
У памятника А.С. Пушкину	104
У памятника «Равноапостольной княгине Ольге», созданного В. Клыковым	104
Памятник В. Высоцкому на Ваганьковском	105
Посвящение Марине Цветаевой	105
Софья-мятежница	106
К одному замечанию В. Сурикова о харизме	106
По картине В. Сурикова «Меншиков в Берёзове»	107
У картины В. Сурикова «Взятие снежного городка»	108
По известной картине К. Флавицкого	108
«Герника» Пикассо	109
По картине Василия Нестеренко «Непокорённый»	110
Константин Спасский	111
Тракт	112
В России осень	112
Наш бой	112
«Убили деда и прадеда...»	113
Конармейские песни	114
Левша	114
Леля Россинина	116
Моему дяде, Дмитрию К., посвящается	117
Храм Воинской Славы!	118
Крым-2016	119
Марина Зайцева (Гольберг)	121
Витязь на распутье	121
«Белый голубь – Чапай»	121
У картины Васнецова	122
«День ли... Ночь ли...»	122
Поэтам 30-х годов	123
Первая зима	123
Мать космонавта	124
Нефтегорск	124
«Безмерный мир и прост, и сложен...»	125
Афганистан. Эхо чужой войны	125
Материнская явь	126
«Я по улицам в недоуменье брожу...»	126
«Скрипнет ствол, чернея наготовю...»	127
«Вся страна, как лесная поляна...»	127
Светлой памяти наших надежд	128
Далеко от России	128

Шахидки	129
Севастополь	130
Девяносто две	131
Не вороши!	131
Крымский мост	132
Россия	132
Минувшему веку	133
Марина Шамсутдинова	136
Не пала Троя	136
Украинская мифическая война	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Сборник

ВЕХИ ИСТОРИИ. Времена. События. Лица

© Московская городская организация Союза писателей России, 2019

© НП «Литературная республика», 2019

© Авторы, 2019

Поэзия

Александр Дорожинский *Сергиев Посад*

Подполковник запаса, старший научный сотрудник 12 Центрального НИИ МО РФ, поэт, член Союза писателей России (МГО), заместитель руководителя литературного объединения «Свиток» г. Сергиев Посад, автор-исполнитель.

Кусочек неба на земле

*Никольскому храму села Дерюзино (Сергиево-Посадского района
Московской области)*

*...русский человек ищет возвышения души своей к Богу.
Ближе всего это для него приходский храм – церковь.
Это самый доступный путь к небу. Это – кусочек неба.*

Карташев А. В. «Русское Христианство»

Белые колонны.
Золочёный крест.
Радостные звоны
Слышатся окрест...

Всякое случалось
С храмом приходским.
Только оказалось —
Он не заменим

Для того, кто к Свету
Душу устремил,
На стезю на эту
Не жалея сил.

Место это свято.
Вовсе не пустырь.
Здесь стоял когда-то
Древний монастырь.

Он не сохранился.
Лишь осталась тут
Церковь, где молился
Православный люд.

Обветшал за годы
Деревянный храм...
Каменные своды
Взмыли к небесам.

Снова колокольный
Разливался звон.
Люд шёл богомольный
Вновь со всех сторон.

В мире жили люди
И текли года.
Кто же знал, что будет

С церковью тогда.

За грехи какие
Вдруг сошли на нас
Времена лихие,
Мракобесья час.

Симеон Лилеев,
Мученик, как мог,
А от лиходеев
Веру уберёг.

Но, не понимая,
Разрушали храм,
Стены превращая
В бесполезный хлам.

Кто-то постарался,
И, в конце концов, —
На холме остался
Небольшой остов.

Мало или много...
Утекли года...
Снова милость Бога
Снизошла сюда...

Прихожане сами,
Преградив ветрам
Доступ внутрь, щитами
Укрывали храм.

А когда над сводом
Поднимали крест,
Всем честным народом
Видели окрест —

Облака сложились
В образе креста,
Небеса светились.
Божья красота!

Рушатся оковы
Тех лихих годов...
Настоятель новый —
Виктор Клиндухов —

Сохраняет веру
Уж который год.

И его примеру
Следует приход.

Тщанья прилагают
Верные друзья —
Храму помогают,
Как одна семья,

Медленно, но верно,
Каждый день и час...
И уходит скверна
Из сердец у нас.

Ввысь взметнулись снова
Четверик, алтарь.
Пастырское слово
Слышится, как встарь.

Портики, колонны —
Храмовый наряд.
А со стен иконы
В души нам глядят.

Вновь на колокольне
Бьют в колокола...
На душе – раздолье
Света и тепла.

Маковка сияет
Золотом креста
И благословляет
Здесьние места,

К храму приходящий
Православный люд.
Вот где настоящий
Для души приют.

Словно огонёчек
Светит в серой мгле.
Это, ведь, кусочек
Неба на земле.

Алексей Дмитриев *Москва*

Культура

Политика и быт проходят мимо,
но дух, что ныне Богу предстоит,
не только лишь в молитвах Серафима,
но и в поэмах Пушкина разлит.

Деятнадцатый Век

Душа творца в словесном иле
молитву силится украсть.
Кавказ, и в павшем Михаиле
горит божественная страсть.
Державный инок не оливей —
храним Амбросием святым,
и Лев мирской под дачной ивой
нектар огня низводит в дым.
За долгожданную свободу
цареубийца на коне,
и Храму в дар приносят воду
раз в год в убийственной вине.

Царская Семья

1

Прославлены святые подлой алостью.
Безбожный век по-русски смутен.
Больным наследником и русской жалостью
введен во двор дворца Распутин.
Империя не помнит царских дел.
Семья небесная ведется на расстрел.

2

Страну правосудье кладет на весы,
но может она ничего и не стоить —
ведь пращур, отец, образованный сын
должны трех гимназий культуру усвоить.
Кто шарму учился? Элегия с ним.
Презренье способно любовь исковеркать,
но не возродить диким родом одним
святых страстотерпцев домашнюю церковь.

Третьяковская Галерея

Вне молитвы в приходе
из времени выпасть...
От полотен исходит
таинственный импульс.
Сослужение Пасхе
мажорного ряда.
Психология в красках
не имеет обряда.

Вдохновение

В кромешной тьме живут витии,
и зажигаются стихи
от бытовой перипетии
и неизведанных стихий.
Слова – заведомая ложь,
и не озвучить на бумаге,
что говорит весенний дождь
и молний синие зигзаги.
Я не один, и правит мной
в стране молчания и пенья
хранитель – ангел неземной —
пособник тихий вдохновенья.

Экзистенция

Не свят городской обитаемый дом,
не в небо нацелена плоская кровля,
где властвует мир самоценным трудом,
где нас распинают война и торговля.
Огню поклонение, гимны воде,
идея грядущего – строгий вещизм.

Молитва прекрасна и радостна, где
спрессовано прошлое с будущим.

Там, где...

Там, где темнеет год от года,
и сердце лишь природе внемлет,
обходит солнце крестным ходом,
хранящие святыни земли.

Новый Иерусалим

В разливах подмосковных светлых рек
на Землю низвести грядущий век
умыслил патриарха гордый дух,
слить в монолог несхожесть царствий двух,
переворот людской природы всей.
Державный Никон – не тишайший Алексей.

«Излил дары святых пророчеств...»

Излил дары святых пророчеств
в общенье дружное мужей
Дух, что святил во время ночи
лишь Иоилевой душе.
Но моноум во время оно.
И дух культуры сокруша,
число златое Соломона
желает мертвая душа,
чтоб воздух пасмурного дыма
огнем священным напоил
тот лев с оружием херувима,
что зрел в виденьи Даниил.
Восстанет прах под новым небом,
исчезнет горькая вода,
Иезекилю срок неведом
во время тяжкого труда.

Крестное знамение

Круг солнца ал, и души невидны.

Восход настал, часы заведены.
Плотская тьма, движение руки,
полет ума природе вопреки.

Анатолий Короткое *Пушино*

Перестройка

Перестройку огласили,
Сразу все заголосили:
То не эдак, то не так
Умным был, а стал дурак.

Было серым —
стало белым,
Или все наоборот,
Даже оторопь берет.

Появились вдруг писаки,
Не борцы, а забияки.
Им престиж, квартиру, дачу,
«Волгу» черную в придачу,
И детишкам «Жигули»,
Чтоб смелей себя вели.

От писак такого рода
Вред один лишь для народа,
Их не только издавать...,
А подальше посылать,
Где жара и лютый холод,
Где еще бывает голод,
На Памир и целину,
В океан и на войну.

Чтобы личным там примером
Мощь страны крепили делом.
И чтоб стали там – на дальних
Рубежах многострадальных,
В пользу Родине большой
Чище телом и душой.

Пусть напишут, как народу
Обрести свою свободу.
Как бороться с бюрократом,
Как в войсках служить солдатам.

Или скажем, наконец,
Как в степи пасти овец,
Чтобы каждому ребенку

На зиму была дубленка,
А не только бешбармак
Тем, кто сытно ест и так.

В перестройке и застое
Бюрократа деспотизм
Отравляет все живое,
Сокращает людям жизнь.

Нужно бить особо больно,
Кто спешит за счет других
Жить вольготно и привольно,
Потребляя за троих.

Кто, унизив всех слабее,
Хочет с грязью растоптать,
И ведет себя смелее,
Чем распущенная мать.

Перестройку нужно делать
Всем народом сообща,
Заменяя всю надстройку,
На других не клеветая.

Про деда Ермолая и сына его Никиту Кожемяку

Иллюстрации Петра Крамаренко

В русской маленькой деревне
Жил старик довольно древний,
С кучерявой бородой
Весь, как лунь, совсем седой.

Телом крепок был старик,
Сам косил, овечек стриг.
Всем выделявал овчины,
Не сердился без причины.
Бедным вдовам помогал
И лучину им стругал.
Вечерами без лучины —
Лишь плодить тоску-кручину.
А со светом можно делом
Заниматься без предела:
Пряжу прясть, носки вязать,
Иль былинку рассказать.

Отклонился я немного...
На свою вернусь дорогу.

Жил наш дед у самой речки,
Чисто вымыто крылечко,
И рябина под окном,
Ступа в сенях с толокном.
А в прихожей самовар,
Из-под крышки лёгкий пар...

Дед любил «гонять чаёк»,
Если трудным был денёк.
Звали деда Ермолаем.
Сколько лет ему – не знали,
Он пришел с Уральских гор
Сам, один, с давнишних пор.
Вот и жил так бобылём
Тихо, мирно день за днём.
Но однажды, как-то ночью,
Расшумелся кто-то очень
У сарая во дворе.
Дело было в январе.
Наспех дед армяк накиннул,
На дверях задвижку сдвинул,
И в ночную тьму шагнул,
Даже глазом не моргнул.
В этот миг, из-за угла,
На тропинку тень легла,
А за ней на Ермолая,
Рык звериный извергая,
Кинулся большой медведь.

И пошла тут круговерть...
В руки деду штырь попался,
У стены с ярма остался,
Он его, сколь было сил,
В пасть звериную вонзил.
И взревел медведь от боли,
Но уже лишился воли —
Очень штырь ему мешал.
Зверь усиленно дышал,
И стремился вырвать штырь,
Пасть разинув во всю ширь.
Ермолай рванул всем телом,
Поднапрягся, и умело,
Вырвавшись из сильных лап,
В пасть воткнул медведю кляп,
Тем лишился армяка,
Оголив свои бока.
А медведь когтистой лапой,
Ермолая поцарапал.
Прибежали все соседи,
Обезвредили медведя,
Помощь деду оказали,
Раны все перевязали.
Порешил земской приход,
Что ему нужен уход.

И вдову-солдатку Раю
Отрядили Ермолаю.

День прошел, за ним неделя,
Где-то, что-то проглядели.

И вдова осталась жить...

Ермолаю печь и шить.
Не прошло даже и года,
Как Всевышнему в угоду,
Рая сына родила —
Долг Руси свой отдала.
Нарекли его Никитой,
В честь священника из скита.
Мальчик рос и развивался,
Быстро силы набирался.
К десяти годам, как взрослый,
Он освоил все ремёсла.

Ермолай гордился сыном,
Но ругал, не без причины...
Тот однажды от обиды,
Не показывая вида,
Бычью шкуру разминал,
И в сердцах её порвал.
Здесь молва пошла по краю:
Сын – силач у Ермолая!
Он молву ту подтвердил,

Всех в округе победил.
А потом прославил Русь!
Я ещё к тому вернусь.

Всем сегодня пожелаю —
Вечно помнить Ермолая!
И Никиту – молодца,
Кожемяку и борца!

март 2015 г.

Сказ про Никиту Кожемяку, отца его Ермолая и Великого князя Владимира

Иллюстрации Петра Крамаренко

Давно это было, минули века,
Но память в народе жива и крепка.
Она сохранила поступки героев,
Их верность Отчизне и преданность строю.

В деревне глухой, на речном рубеже
Родился ребёнок, неожиданный уже.
Отец был преклонного возраста муж,
Он жил без семьи, одиноко к тому ж.
А мать, молодая солдатка-вдова,
В нужде пребывала, справляясь едва.
Однажды случилось, отец Ермолай
Был ранен медведем, проникшим в сарай.
Тогда по уходу за смелым борцом,
Вдову отрядили – и стал он отцом.
Не будем касаться, как Рая-солдатка
Любовь Ермолаю дала без остатка.
А сына Никитой назвали родители,
Чтоб рос для Руси силачом-Победителем.
Ребёнок здоровым в семье развивался,
Был сильным и смелым, труда не боялся.
Отец обучил его выделке шкур,
И множеству разных при том процедур.
Годам к десяти сам Никита, как взрослый,
Освоил все нужные в жизни ремёсла.
Однажды он, шкуру быка разминая,
Порвал на куски её, силой играя.
И вскоре молва прокатилась по краю —
Господь силача подарил Ермолаю!
В борьбе побеждал он любого борца
И радовал этим родного отца.

Случалось в ту пору, на Русь печенеги
С угрозой войны совершали набеги.

Однажды большой печенегов отряд
К границе прорвался, громил всё подряд.
И лагерь разбил там, где мелкий Турбеж,
Для битвы вполне подходящий рубеж.
Владимир с дружиной создал им преграду.
Кто выступит первым – решать было надо.
Врагов разделяла всего лишь река,
И брод неглубокий, прозрачный пока.
Чтоб мирно решить совершенный набег,
Условие выдвинул Князь-Печенег
– Пусть каждый противник выпустит мужа,
Чтоб их поединок решил всё как нужно.
И если твой муж победит моего,
То бросит о землю после всего.
Тогда на три года с тобой распростимся,
И с миром живите, пока возвратимся.
А если мой муж победит твоего,
То будем вас грабить три года всего.
На этом два князя пока разошлись,
Готовить мужей к поединку взялись.
Наутро привёл печенег кандидата —
Здоровый как бык, а ладонь как лопата.
Владимир по стану послал глашатая,
Найти к поединку борца, призывая.
Но не было в стане такого борца,
А князь затужил, не предвидя конца.

Тут муж престарелый приблизился к князю,
И молвил ему – Не тужи, все мы в связи.

Троих я привёл, меньшей дома остался,
Он с детства во всех поединках сражался.
Ни разу никто в одиночном бою
Не смог его бросить на землю свою. —
И князь повелел привести молодца...
Никите поведал он всё до конца.
Сомнение высказал князю Никита,
– Смогу ли схватиться с злодеем открыто?
Найдите здорового злого быка
И в деле меня испытайте пока.
Калёным железом быка разъярите
И смело на встречу со мной отпустите. —
Уже разъярённый и раненый бык
Бежал от мучителей в лес напрямик.

Никита успел его за бок схватить,
И вырвал всё с мясом, что смог захватить.
Увидев всё это, Владимир сказал,
– Ты можешь бороться! – И всем приказал,
– Готовиться к бою, доспехи одеть,
Уж время уходит, не гоже терпеть! —
А утром размеряли место для боя,
Борцов предъявили пред войском обоих.
Здоров был и страшен борец печенегов,
Огромного роста – рождён для набегов.
Тут вышел Никита – он среднего роста,
Ничем не приметен, и выглядит просто.
И подняли на смех его печенеги,

Привыкшие грабить, свершая набег.
Пустили обоих – друг против друга.
Войска напряглись, и замолкла округа.
Схватились борцы, и в смертельном бою,

Руками давить стали жертву свою.
Никита схватил печенежина цепко,
И удавил его, сжав очень крепко.
Затем над собою он поднял врага,
И бросил о землю, потрянув берега.

Тут ужаса крик облетел печенегов —
Расплата пришла за ущерб от набегов!
Рассыпался в панике вражий отряд,
Бежали от страха, не видя преград.
А русские гнали и били врага,
Разбили злодеев, изгнав навсегда.
Обрадовал князя победы успех,
Прославить решил он участников всех.
На бреге том град повелел заложить,
Чтоб славной победе веками служить.
Никиту же мужем Великим назвал,
И помнить потомкам, сей подвиг призвал.
Досталась награда отцу Ермолаю,
И много подарков для матери Раи.

С тех пор утекло больше тысячи лет.
Россия познала немало побед.
Но подвиг и слава Никиты-борца,
Живы и поныне, в пример молодцам.

Сегодня мы славим и Князя-крестителя,

Как мудрого, смелого руководителя.
И памятник в бронзе отлили ему,
В столице воздвигнут, и быть посему.
Пусть помнят потомки про верность народу,
В борьбе защищая страну и свободу!

Перевал Дятлова

Нас тянет к жаркому костру,
На воздух – к девственной природе.
И мысль, проснувшись поутру,
Весь день по кругу колобродит.

Нас тянут дикие места,
Где тайны Сил хранит природа,
В моря, и горы, и леса,
Вперёд – в любую непогоду.

Мы часто жертвуем собой,
Чтобы раскрыть земные тайны,
И не советуясь с Судьбой,
Порой кончаем всё печально.

И вот опять манит Урал,
На перевал погибших в битве.
Мы не допустим здесь аврал,
Пойдём уверенно с молитвой.

Пусть проиграем мы опять,
Пусть не достигнем взятой цели,
Но мы стремимся всё познать
Во имя правды в этом деле.

А тем, кто будет нам мешать
Раскрыть секреты злодеяний,
Мы смело можем обещать,
Что вновь продолжим путь познаний,

январь 2016

Андрей Бондарь *Москва*

Разговор с Есениным

Как-то мы с женой порой весенней
В Англетере встали на постой
Вдруг из тьмы явился к нам Есенин
Весь избитый, бледный и босой

Пообщаться с Гением – поэтом
Было как за гранью сверх-мечты
И поэтому, накрыв поэта пледом
Не заметив, перешел я с ним на «ты»

Я настолько сам разволновался,
Что не смог упреков избежать
Вечер необычно начинался
Словно повернулось время вспять

Как же ты, Сережа, догадался
На большевиков нести хулу
Вот и в результате оказался
На трубе повешенным в углу

Ну зачем так было подставляться?
Ведь, пойми: еще никто не смог
С органами ГПУ тягаться
Всех подмял их кованый сапог

Стал бы ты еще народней
Айседорой и детьми любим
А теперь в Раю, как в преисподней
Губы ты корежишь, словно мим

Он глазами только усмехнулся
Трубкой распечатав свой кисет
Тихо к нам спиной повернулся
И исчез, безмолвный, как портрет

Я подумал – это наваждение
Так представить Гения всерьез
Поутру глядел я с удивленьем
На подушку, мокрую от слез

Век поэтов быстрый и короткий

Видно посему никак нельзя
Отсидеться им за загородкой
По судьбе глазами лишь скользя

Антонина Шматкова **Наро-Фоминск**

*Старая ива – единственный безмолвный свидетель того времени,
той жестокости, которая была совершена фашистами.
(Из газеты «Основа», Наро-Фоминск, МО, 05.10.2018)*

Вечная память

Повешена на придорожной иве
Моя землячка Верочка Волошина,
Зимою там тропинка запорошена,
А летом: щебет птиц, ландшафт красивый.

В тылу врага тогда там были.
И, вот, вблизи деревни Головково,
Засада: пулями сразили —
Сочится кровь её из ран багрово.

Она шла первой, и спасла других.
Разведчики вернулись в гита б
С важнейшей информацией для них.
Ах! Только б фронт нагл не ослаб.

А, впрочем, всё начну сначала:
Где колыбель её качала —
Сибирский край чудесный, снеговой,
Но и Москва была уже мечтой.

Она серьёзно спортом занималась
И с лёгкостью успехов добивалась.
В гимнастике, в прыжках – любой барьер
Призы для школы, для других пример.

А выбор, всё ж, Московский институт,
Отец шахтёр и маму в школе ждут,
Учителем она там много лет.
И, вот, у Верочки в руке билет.

Предстал далёкий путь в столицу,
Родителей тревожны лица,
Программа школьная не подкачала
И вскоре девушка студенткой стала.

Но снова в даль мечта зовёт:
Надо освоить самолёт...

Чтоб в небе смелой чайкой оказаться,
В аэроклуб ей надо записаться.

Она курсант, а далее пилот!
Освоен парашют и самолёт,
Прелестная, как стройная берёзка,
Успехом прославляет край сибирский.

О! Горе – лютый враг напал.
Народ наш на защиту встал:
Окопы рыть, ещё сдавать зачёты,
Ах, сколько слёз! Прибавились заботы,

Померкли грёзы, девичьи мечты,
Любовь и молодость вмещаются в кулак,
Лишь твёрдость, нет в движеньях суеты.
Нам надо победить! В Москву стремиться враг.

Чтоб победить, нужна отвага, сила,
И девушка, тем временем, решила:
Будет Отчизну защищать,
Защитником ей надо стать.

Она зачислена в разведотдел.
Последнее задание в тылу врага,
Мы этот подвиг не забудем никогда,
Тот смертный подвиг, героинь удел.

К приметной иве подвели машину,
Петля сурово шею обвивала,
«Друзья, прощайте» – Вера прокричала,
И ива закачалась у вершины.

А ярый враг позднее отступил.
Тело Волошиной похоронили здесь.
Всё было: почести, страданье, слёзы, честь.
И было тяжело тем, кто хоронил.

Давно останки в Крюково, в той братской.
Там дом-музей и памятник стоит.
Защитникам, в кровавой битве адской,
Героям Родины звезда горит.

И в Головково есть музей,
Там памятник всегда украшен:
Цветы от истинных друзей,
Для поколений это важно.

Я прибегу с цветами, сибирячка,

К той иве, что у Головково,
В Наро-Фоминске дом мой новый,
И здесь неподалёку, ива плачет.

Борис Першуткин *Химки*

Про старость в России

Когда оставил нас социализм
и рухнула страна, как от инфаркта,
жевали все мы пресный плюрализм,
и лишь сиротство ставили на карту.

В тумане неосознанных идей
на ощупь шли, не чувствуя друг друга,
на гул тогда свободных площадей,
не замечая тех, кто был напуган.

Они боялись этих перемен,
предвидя свою нищенскую старость,
что дали мы сегодня им взамен?
Одна «свобода» только и досталась...

Судить привыкли в мире о стране
по отношению к старикам и детям...
не знаю, как там в мире, горько мне
за тех, кто оказался в беспросвете...

Не верьте никогда...

Не верьте никогда своим правителям,
оценивайте их не по словам,
они давно и рьяно рвутся к кителям,
их обещания – пустой словесный хлам.

Не верьте никогда своим правителям,
они совсем не знают наших бед,
их силятся представить умозрительно,
но только толку абсолютно нет.

Не верьте никогда своим правителям
И помните, что это очень длительно!

Не просто

Жизнь не проста и с чистого листа
её нельзя начать, как новый очерк,
или как день Великого поста,
не изменив совсем при этом почерк...

Но есть вопрос, как дальше продолжать
помятую, с пометками, тетрадь?

Просто мысли...

Давайте в хорошее верить
и время мгновеньями мерить,
подчас и мгновенье, как вера,
бывает бездонной, как мера...

«Мы мало ждём, а больше всё спешим...»

Мы мало ждём, а больше всё спешим,
гнев достигает в нас легко вершин,
и, спохватившись, называем раем
то прошлое, которое теряем...

Каждый выбирает по себе

Когда вы гладите расчёскою
из лести
объект начальственный, конечно же,
по шерсти,
то всё у вас пушисто и
как надо,
вы – часть безликая прирученного
стада.
Но если храбро вдруг рискнёте
против шерсти,
то жизнь спокойная закончится,
поверьте...
К такому риску далеко не все
готовы,
ходить в атаки и носить
оковы...

Неопределенное

Пусть и обманчива судьба,

живу и вроде прогрессирую...
давлю по капле из себя раба,
(а может я его массирую?...)

Перемирие...

Донбассу

Всё снова, к сожалению, случится,
не угадав природы тайный смысл,
и прилетит снаряд смертельной птицей,
и оборвёт на миге чью-то мысль...
Опять дождём от горя плачет небо,
в бессилье вместе с ним скорблю и я,
по той стране, что так уходит в небыль,
по тем могилам, где лежат друзья...
И зреет ночь темнее лютой злобы,
но где-то в ней уже живет рассвет:
израненный, мятущийся, особый —
ценою поражений и побед...

Букеты слов собрав...

День течет сквозь пальцы,
догоняет убегающую жизнь.
Вечность не торопится.

* * *

Двое неспешно идут
по дороге навстречу закату.
Рассвет впереди.

* * *

Луна – небесная Мадонна
на Землю смотрит с интересом,
та отвечает ей взаимностью.

* * *

Глубина твоих глаз обманчива,
в них чернеют пороги зрачков,
не ныряй – разобьешься!

* * *

Небо смотрится в лужу,
лужа смотрится небом,
пока ветер кемарит...

* * *

С годами небеса всё ближе к нам,
а мы всё ближе к ним
на жизненной дороге.

* * *

Как короток путь в Вечность,
не успеешь оглянуться —
и ты на её пороге...

* * *

Как же легко разгневать Бога,
и как не просто насмешить,
не опасаясь за греховность...

* * *

Табун беспечных дней
промчался по лужайке жизни.
Трава примята.

* * *

Птица в клетке поёт
совсем не для нас —
она просто не может без песен...

* * *

Небо даровано птицам природой,
мы в небесах появились
без спроса...

* * *

Снова на сердце печаль
ляжет осенним листом.
Ждать буду ветра веселья...

* * *

В чашу терпения
слез безутешных нальёт
горя источник...

* * *

Капля, которая
переполняет,
редко бывает последней...

* * *

Как тяжело разжечь
горючими слезами

огонь желаний...

* * *

Когда душат слёзы,
слова застывают в гортани,
им просто нечем дышать...

* * *

Поэзия – есть мысль,
пульсирующая в слове.
Так бьется сердце.

* * *

Вселенная – не хаос,
в той необъятности порядок есть.
А в нем живет Земля.

* * *

Только зеленые ели
среди белого снега зимы
выглядят букетами Вечности.

* * *

Угол зрения... тупой он или острый,
истину увидеть в нём не просто!

* * *

Время помнит секунды,
лишь мгновение жизни у каждой.

Меня оно вряд ли запомнит.

* * *

Вот циферблат – изуверская плаха,
стрелки – две сабли на ней,
время казнят беспощадно...

* * *

Букеты слов собрав,
попробуй насладиться ароматом,
почувствуй мудрости благоуханье.

* * *

Я на часы смотрю.
Они размеренно отсчитывают время.
Скоро уходить...

Валентина Шлыгина
Москва

Два государства!

Россия!

Ты, Россия могучая,
А во главе – Москва!
Помоги Украине,
Ведь она же – Сестра!
По жизни всё смешалось,
Но все мы есть Славяне!
Веками жизнь сплеталась...
Рожали всех нас Мамы!
Сплелись народов узы,
Но паспорт был один!..
Был: «Гражданин Союза» —
«Советский гражданин!»
И как же разделить нам,
Родную Мать и Сына?
Россия – стала Родина,
Была ведь – «Батькивщина!»
Как Братьям жить в идиллии,
Откуда ждать Добра,
Когда две разных Армии,
А Мать у них – одна!
В боях былых Славяне
Поляков в войнах били,
И воевод незваных
В болотах утопили.
И Шведов под Полтавой
Гоняли вместе, жгли,
Чтоб враг ушёл незванный,
С родной для нас Земли!..
Опомнитесь, Славяне,
Пусть будет разум чист,
Ведь вместе воевали,
Когда пришел Фашист!..
Откуда холод веет?
Ведь нам бы в дружбе жить!
Общаться здоровее,
Втройне сильнее быть!
Рассудок, дай нам, Боже!
Наставь на добрый путь!
Ведь нет Родни дороже,
Её ты не забудь!
Пусть будет небо общее,
И дружба возродится!

Вернётся Братство доброе,
Мы будем им гордиться!
Родимые: Россия, Украина,
Живите по любви,
У нас: Одна Родына,
И корни все одни!
Пусть нам поможет Братство,
Как добрая Родня.
У нас – Два Государства,
А кровь у нас – одна!

Украина!

Дорога мені Україно!
Моя ти рідненька!
Я хвилююсь постійно,
Бо ти ж моя Ненька!
В одній ми Країні
Родились, та жили:
Два Братика рідні,
Та дві рідні Сестри!
Нас по різних містах
Розкидало життя,
Хоч по різних ділах,
Та одне в нас буття...
Не було в нас таможень,
І границь не було —
Неможливо у пташки
Розділити крило!
Та правителів троє,
Нас, народ, не спитали —
Без зусилля, без бою,
Наш Союз розєднали!..
Було важко повірить,
Що Союзу немає!
Чим цю згоду помірять,
До цих пір ми не знаєм!..
Почуй мене, Україно,
Я за тебе молюсь!
Не забудь, що ми рідні,
Полюби мою Русь!
Нам не треба чекати
Від розлуки добра!
Був Союз – наша Мати,
Ми – його Дітвора!
В нас одна була мрія,
Щоб всі рівні були!

Україна й Росія —
То дві рідні Сестри!

20.04.2008

Славянам братство возвратить!

Росли мы в одном Государстве
Большой, необъятной страны!
Имели несметны богатства,
Но были народы бедны...

Нас братство народов роднило,
И сплетенье семейных уз,
И наш дорогой и любимый,
Могучий, Советский Союз!..

Какое было Государство! —
Народы были все равны!
Война родила силу братства,
И были армией сильны!

Когда враги войной накрыли,
Восстал народ наш, как один!
Миллионы жизни положили,
Но был народ – непобедим!

Мы с детства росли патриотами
Любимой и нищей страны.
Мирились с былыми невзгодами,
Но духом все были сильны!

И помним, как шли мы колоннами,
На митинг, чтоб Мир отстоять!
Спешили: заводами, школами —
«Караибский кризис разгонять!»

Мы свято в будущее верили,
Что станет светлым, без нужды,
Что жизнь построим мы с победами,
«Лишь только не было б войны!»

«Политики в странах меняются...»

Политики в странах меняются, —
Идеи их часто не стойки!

Порой над нами издеваются
Идеи нашей ПЕРЕСТРОЙКИ!..

Народ об этом не спросили,
Об этом «плачет Муза!»
Союз наш ТРОЕ развалили,
И нет Советского Союза!..

Немыслимо было поверить,
Как жаль, что стало всё правдой!
Чем горечь народов измерить,
И чем был тот сговор оправдан?

Что не сумели враги сделать,
Страну, чтоб нашу развалить,
То власть «ТРОИХ» решить посмела,
Ох, как народ так не любить!

О референдуме забыли!
И разве в этом нет вины?
Народы наши разделили
Легко! Без боя, без войны!

И нет ответа на вопросы:
Зачем решение то созрело?
Кому мешали «белы росы»,
Кому содружество постыло?

И как уверенным быть в завтра?
Ведь это всё не ерунда!
И постоит ли брат за брата,
Когда вдруг станется беда?

Томятся мысли, словно в рабстве,
И жизнь сама наказ даёт:
Кто правит нами в Государстве,
Пусть чаще помнит про народ!

Какую силу, где достать нам,
Каким идеям новым быть,
Былое Братство, чтоб СЛАВЯНАМ,
Обратно к жизни возвратить?

02.02.2010

Валерий Бокарев *Москва*

Русь

Перед разливами времени ходим мы.
Сеть бы закинуть и выловить суть.
Сны мои милые, сны моей Родины,
Дайте хоть краешком в вечность взглянуть.

Ложится вечер на берег синий.
В туман уткнувшись, стога застыли.
Покой... Он вечен в моей России —
Мечты и сны Её, мир вместили.

И снятся старые Ей дубравы,
Народ могучий и глухомань;
Монголов орды, варягов кары;
Походы, смуты, опять расправы
И с кровью собранная дань.

По берегам в степи курганов череда.
Они опять ведут меня туда,
Где элинам закрыт был дальний путь,
Где стук копыт мешал передохнуть.

Но время оставляет только мифы,
И мифы говорят – здесь жили скифы.
По Греции ползёт упорный слух,
Что где-то за далёкими морями,
За ковкою железа свой досуг
Справляют хмурые и сильные селяне.

Их земли велики, их силы велики.
И хорошо, что очень далеки
Их рубежи —
Пред ними всё бежит.
У них всё есть,
А золота – не счесть.

Но тропы все туда забыты.
Захватчики – давно убиты.
Зимой там холод дик, и не велик уют.
Но всё же там живут и белый, чистый лик,
И синие глаза туда ведут —
Ты не опомнишься, закружат, увлекут.

Тебя люблю, Тебя я обожаю,
Моя Земля, воистину моя!
Мне кажется, что я цветы сажаю,
Моя любовь, Тебя я украшаю,
Тобою поглощён творя!

Я знаю, что воспеть мне не удастся
Всё то, что я увидел – не хватает слов.
Как будто бы читаю Часослов —
Я это всё предвидел:
И колокол, который вновь раздастся.

Однажды я услышал его зов.
Как жаль, что вскоре он унялся,
Затих. Ликует тёплый кров,
Что над людьми горой поднялся.

На долго ли? Пожалуй, нет.
И пусть горит пока макет,
Но вскоре вспыхнет мир мещан,
Которых сон давно объял,

И многие из них сгорят.
Так иногда рванёт снаряд
Упругой, рушащей волной...
И мир наполнится войной.

Тысячелетия дремали,
Но даже сном своим нагнали
Соседям страх
И те дрожали!
Как будто мы их всех держали
В своих руках!

В Европе знали – мы проснёмся
И по Европе пронесёмся
Как ураган.
В Европе верили – уймёмся,
Наступит смута, разберёмся.
Иль снегом занесёт в буран.

Но звон мечей и их мерцанье
Не раз тревожили сознание
Твоих сынов, будя их пыл.
Тогда под грозностью их взора,
Дороги пятились к просторам
И Альпы уходили в тыл.

Темно на поле Куликовом.
Застыла на холмах Орда.
Россия вновь в обличье новом
Встаёт – одна и не одна.

Её полки – леса в тумане,
Её бойцы – с полей земля.
Орда бежит, Орда в аркане —
Россию покорить нельзя!

Когда Европа в первый раз коснулась
Нас остриём надменного штыка,
Как от огня обратно отшатнулась,
Хоть нам была победа не легка.

Быть может гений Наполеона
Полмира б смог завоевать,
Когда б ему те легионы
Не на Россию направлять.

Она войска мела снегами,
Дороги путала, казня.
И он увидел – не солгали,
Когда душе его сказали,
Россию победить нельзя!

Не раз Ты поднималась смутой,
Отмщением за жизнь горя.
Но для чего в тот холод лютой,
Когда решали жизнь минуты,
Ты отказалась от царя!?

Ты думала, что много краше,
Свободней стала?
Но снова потянулись смуты
И снова Ты одела путы —
Устала.

Колчак и немцы – всё смешалось,
Исчезли человечность, жалость.
Ночь. Человек у стены, словно вор.
Красный террор и белый террор.

Кровью залита часть мостовой,
Много убитых, ужас, не бой.
Сын на отца, на товарища – друг.
Голод, болезни накиннулись вдруг...
Смута иссякла, убрана муть.
Думала, верный Ты выбрала путь.

Тысячелетия лепили те устои,
А ныне – всё прошедшее – пустое.
Стал человек душепродавцем, вором.
В церквях закрытых, ограблений след.
И прошлое ответило с укором, —
Всеобщим мором будет мой ответ.

Воздвигнут был в Москве героям храм,
Но атеистам очень он мешал.
Полвека простоял, прошла ещё минута
И динамита облачная смута
Его накрыла. Кирпичей обвал,
На месте храма – хлам.

На нас вина с начала века.
С тех лет, что вспоминают вновь.
Когда губили человека
За правду, совесть и любовь.

Виктор Авин *Санкт-Петербург*

Петербургский ангел

Ушел на небо человек, везущий санки
Он призраком ходил все эти годы
И у Пяти углов делился коркой хлеба
И у Пяти углов садились с неба чайки
На пять теней, и уносили тени к богу.

Ушел на небо человек, везущий санки
Случилось это чудо в прошлый понедельник.
Когда все тени в Петербурге входят в полночь
С Александрийского Столпа спустился ангел
Крылом у входа в Летний сад разбил он вазу¹

На счастье! У Петербурга больше нет плохой погоды!
Пусть твои санки постоят на постаменте
Играйся с ветром возле памятника, Йося!
Не бойся, мальчик, у Пяти углов нет тени
С Александрийского Столпа не затмевает
Крылами землю ангел, ненароком.

Он с временами, среди нас, он случай, ночью
Когда глядит в кровать из неба глаз вороний —
Петербургский ангел крыльями хлопчет.

2009

(стих номер восемь из первого тома моей бумажной «Миграции души»)

Маргарита здесь больше не летает

Родные дворики у каждого свои
За них легли отцы и много лимиты
Они зовут авто с Манхеттена домой
Места, намоленные мужем и женой.
Родные дворики, не сказке описать
Там яйца жаренные и игла вязать
На кухнях, дьявола и бога за столом
Встречать и тут же выдворять при домовом
Чтобы не поняли как делают детей

¹ Реальный случай из середины 90-х, когда вдруг надвое раскололась старинная гранитная ваза у входа в Летний сад.

Которые б не поняли в чем соль
Дворика, политого росой
Что цвета крови так мерцает на заре
Чем все повязаны соседи ради жизни
На планете во дворе, Луной зализанном
И почему не вылетает на метле
Маргарита? Она больше не в огне.

11.03.2014

(стих из моей виртуальной Миграции души, том 7)

«Где ты?»

Бог существует, доказано – дьявол есть!
Вот же он: заключил Договор с бесами во плоти.
И они принесли в сакральную жертву дьяволу
МАКСИМУМ человеческих тел, за отведенный им срок
Чтобы их взяли в рай в ихнем аду! Сталин и гитлер – ИГИЛ
Дедушки. И припечатал печатью бог – в Блокаду послал
Зиму лютую. – Совпадение! Случай, – Кричит неразумный народ!
К такому народу Богу сойти? – Бесплезно. Это народ-урод.
Недоработкой, действием всех врагов он объяснит и котлы
Понаделал которые бес Сталин, чтобы гитлер прыгнул к Москве!
А его обуял вдруг прыщик югославского восстания, и бес
гитлер потерял драгоценный месяц в своем блицкриге:
Хоп! И собрана под Москвой мясорубка, способная
И намолотившая именно МАКСИМУМ! – Это их цель
Была, а не мировые господства, к которым стремились
Бесноватые Черчилль и Рузвельт, и для этого привели
К власти гитлера-сталина. Да вынуждены были сесть
И играть с бесами по их правилам, минимизируя как могли
Жертвы своей страны. Политика – сфера бесноватых. Они
Неизбежно приводят к власти бесов. Как и сейчас привели
На развалинах Башен. Единственно кто их остановит —
Это не Бог, а дьявол, который умрет с гибелью всей
Планеты.
Где ты?!

09.01.2019

(стих из моей виртуальной Миграции души, том 7)

Вавилонская башня для Гуливерки

Не приходи ко мне в онлайн
Не порти правдой буквы тайну
В твоих глазах есть скорость света
С которой мысль твоя, раздетая

Опережает звук печатный...
А буква – тело, быт развратный...

Не провожай меня в оф-лайн
Когда я сяду на комбайн
Мечтай о внуках из капусты
Французской булкой черствой хрустни
Тогда получится восстание
Живой сохи, что путь трамвайный
Хам прокладывает в банк!

А там подвал для Гуливеров
Монет мешки, отвал, окопы
Слитки слов и пулеметы
Которых Свифт² нарисовал
Да не послал, все перепутал —
В твоих глазах нулей банкноты,
ГулиВерка в лилипутах...

24.11.2018

(стих из моей виртуальной Миграции души, том 7)

Когда как в Европе жить хорошо

«Минус один» не градус
А хороший день
Эпохальный, радостный
Не отбросил тень
Потому что пасмурный
Дно, не набекрень
Козырной и властный
Успевай крутись!
И все ходы записаны
И душа и страсть!
А выход там где высь
За вратами в пасть...

Поглощает мысль:
«Не слезай с сука.
Завтра день сурка»

21.11.2018

(стих из моей виртуальной Миграции души, том 7)

² «SWIFT – система совершения платежей, передачи банковской информации в международном формате. На сегодня в ней состоят более 10 тысяч банков и корпораций по всему миру» (с) википе...

Точка сборки

Дамба не наводнения
Дамба изменила климат
Пушкин не стихосложение
Пушкин изменил мозги нам
Убийство невинной семьи царя
Проклятием стало для всей страны
Только снос одного мавзолея
И на месте его – часовня
Страданье Руси прекратит.

20.11.18

(стих из моей виртуальной Миграции души, том 7)

Виктор Костров (Бановэ) *Москва*

Сказки живут в ее душе

(посвящается Ольге Майер)

В ее душе сказки живут.
Добрые Ангелы к ней идут.
С большими крыльями яркими
И с красивыми подарками.

Яблоки, персики, мандарины
Полные доверху корзины.
Самая любимая кукла пришла
И нежно её, как сестра обняла.

Большие разноцветные шары
Это ангелы принесли ей дары.
А в красивом замке, принцесса
Ждет своего принца Инесса.

Хрупкие гномы стеклянные,
А с ними солдаты оловянные.
Зайчики заботятся о детках,
Белки прячутся на ветках.

В душе живет беззаботное детство
Озорное, счастливое кокетство.
Громкое, радостное, быстрое.
Как шампанское игристое.

С велосипедом и синяками
Ссадинами, но с друзьями.
Пахнущее варенье, ватрушки
И самые преданные подружки.

Резиновые сапоги и лужи
Она не боится ветра, ни стужи.
С солеными сочными грибами
И дачу родителей с парниками.

С красными пузатыми помидорами,
С лесом и красивыми озерами.
Чтобы родители с ней рядом были,
А гномы тайные чудеса творили.

В душе живет та самая вечность,
Которая хранит бесконечность.
Просто надо глазки закрыть,
И к центру бесконечности плыть.

Сквозь галактики, под облаками,
Сказка в душе, запомнится нами.
Баюкает ночь в объятиях добрых
Всех детей, любимых и скромных.

12.01.2019

Картина «Пепел утраченных книг»

(посвящается Игорю Ткаченко)

Для Вселенной столетия миг,
В них отражения утраченных книг.
Сверху лежат книги и картотека,
Горела на Земле не одна библиотека.

Оригиналы рукописей спалили,
А копии книг жрецы сохранили.
В картине уровень энергии 13 РА
Для достойных тайну открывать пора.

Игорь дал нам в руки инструмент,
Благодарю и шлю комплимент.
Там темный мазок на светлом фоне,
Слышна мелодия на саксофоне.

Инструмент для Ратника прост
Для него он важный форпост.
Обратитесь к двойнику Ильхора
Для дальнейшего с ним разговора.

На ваш вопрос Мастер даст ответ,
Для ищущих людей откроет секрет.
В энергии заложена любовь, красота,
В служении скрыта от глаз простота

Максимально отключи Сознание,
Призови на помощь свое Подсознание.
В штрихах на картине вдохновение,
Напишешь не одно стихотворение.

Войди мысленно в пространство

И получи целебное лекарство.
Можешь выписать себе чек
И живи в изобилии человек.

Проси что захочешь, но пойми,
Не дадут тебе власть над людьми.
Проси, что нужно в жизни тебе
Здоровье, любви жене и себе.

Иссякнуть этот поток не сможет.
А в трудную минуту Мастер поможет.
Неважно откуда, представь из зари
Только не забудь, поблагодари.

05.01.2019

Ночь накануне Рождества

(посвящается всем светлячкам)

Многие верят в волшебство,
Накануне в ночь под Рождество.
Мечтатели сели в поезда
И поехали где новая звезда.

Мастер Света встретил их там,
И Кристалл любви зажег светлячкам.
Это подарок, живите в новом мире,
Светите всюду и в своей квартире.

Пусть новая звезда вечно сияет
И над Планетой мир воссияет.
В груди у светлячков огонек горит,
Это вечная любовь, которая творит.

Несите всем людям добро.
Оно в подарок вам на счастье дано.
Согревайте любовью сердца.
Сияйте вечно, как новая звезда.

06.01.2019 года

Пришла сказочная зима

(посвящается Ольге Луговенко)

Пришла зима, с собою тишину привела,

Накрыла снегом поля, дороги замела.
Восьмеркой бесконечности, в дом пробралась,
Озябнув, у камина на кровать улеглась.

И нежась в бликах горящего огня,
Энергией любви обнимала меня.
Потенциал нежности освобождала,
К любви и верности меня призывала.

Она урча, мурлыча, как сказочный кот
Шептала, ждет впереди меня поворот.
В умиротворении и счастье я пребываю,
Дни до появления чуда по пальцам считаю.

Окна переливаясь от узоров цветов,
Как будто сияние от многих костров.
Играя небесными сполохами на стекле,
Мчусь я на белой тройке к тебе.

Потенциал любви готов проявиться,
Когда час икс мне ночью приснится.
А пока зима рисует узоры снежные,
чтобы сказать, мы не будем прежние.

Этот дивный сон, словно облако паря,
Кружится в танце зима с декабря.
Дом наполнился красотой и светом,
Буду ждать тебя, не тороплю с ответом.

Забыв обо всем, лишь гармония и покой,
Заставляет наслаждаться этой зимой.
Больше на свете не имеет значения,
Чем любовь и блаженство мгновения.

20.12.2018

Обещание кошки КЭТ (Басня)

Жила была ленивая, но умная кошка КЭТ
Без всяких чипов, паспортов и анкет.
Живет без мамы, не общается с папой
Я всегда верю ей, и клянусь её лапой.

Она научилась дружить с мышами,
Спать на соломе и двигать ушами.
Целый день спит на диване лентяйка,
Ждет, когда накормит сосиской хозяйка.

Для мышей ленивая кошка КЭТ
Самый важный во дворе авторитет.
На лужайке возле старых ворот
КЭТ собирает очередной хоровод.

Мыши настоящую правду знать хотят
Ведь у кошки сейчас растут семеро котят
Тут из толпы запищала старая мышь
Я не верю тебе, ты снова скоро родишь.

Чем будешь кормить своих котят?
Снова головы с наших детей полетят.
Я слышу обидные слова, сказала КЭТ
Это неправда, полнейший бред.

В нашей жизни произошел новый поворот
Мы даже не выходим дальше наших ворот
Хозяйка нас кормит сосисками, дает молоко
Мы ценим дружбу со всеми, цените и вы высоко.

Желаю, чтобы каждый мышонок был здоров
Скатила у мышек слеза от ласковых слов,
Вылезли мышки из нор и молоденький крот
Прыгнула КЭТ и мышка попала ей в рот.

Жалобу написали лисе, что нарушены их права.
Конечно, лиса разберется, верьте ей господа.
Нельзя верить любой кошке в ее обещание
Лучше жить в мире с ней, но на расстоянии.

09.12.2018

Виталий Григоров
Москва

Атака мертвецов

6 августа 1915

Нас газ окутал ядовитый,
Но мы поднялись и пошли.
И к рубежу веков дошли.
И немец трижды уж побитый.

Тевтонский орден одолев,
Машину кайзера разрушив,
И третий рейх обезоружив —
Устал, ей-богу, русский лев.

Присел... И в кружку харкнув кровью,
Из глаз сваривши кипяток,
Я выпил чаю, и с любовью,
Задком попукивая, лёг...

09.08.2018

Владимир Морозов *Москва*

Осень 2018 года

Солнце вышло в Москве, хотя небо всё ниже
И сильнее дыханье грядущей зимы.
А полмира сейчас заседает в Париже,
Отмечая сто лет окончанья войны.

Той войны, что прошла по полям континента,
Погубив миллионы невинных людей.
И столетье спустя так же платится рента
За «аренду» чужих сумасбродных идей.

Больше сотни гостей на Полях Елисейских,
Триумфальная арка над Вечным огнём,
И печально звучат строки писем армейских
В унисон с морозящим осенним дождём.

Что-то пишет француз, турок, немец, австриец,
Англичанин, бельгиец, поляк или чех,
Нидерландец, датчанин, индус, австралиец...
Только русский язык не звучит среди всех.

Неужель не играли «Прощанье славянки»,
Провожая на фронт сыновей и отцов?
Мы не гнили в окопах? Не рыли землянки?
Иль Котлинский не вёл на врага *мертвецов*?

Это *наши* солдаты сражались под Реймсом,
А Брусилов прорывом спасал ваш Верден.
Это русских цветами встречали марсельцы,
Это мы дали шанс вам подняться с колен.

Но не слышит сейчас Триумфальная арка
Русских слов из окопных посланий домой.
Видно, мало французы читали Ремарка,
Да забыли итоги Второй мировой...

А тогда англосаксы взамен контрибуций,
Руководствуясь мерзкой «Большой игрой»,
Наградили нас «орденом» двух революций
Да безумно кровавой гражданской войной.

Вот минуло сто лет, как не наши проливы,

И Сазонова нет в пакте *Сайкса-Пико*,
А в Царьграде кресты люди прячут стыдливо,
Трапезунд позабыл мощь российских штыков.

И в раздумьях о судьбах великой державы,
Сам собою пришёл ко мне вывод один:
Чтоб достойными быть русской воинской славы,
Надо Киев вернуть и опять взять Берлин.

03.02.2019

19 августа 2011 года

Вот двадцать первый год пошёл,
Как безо всякой славы
Мы все живём на сверхбольшом
Осколке сверхдержавы.

Все двадцать лет порядка нет,
Законов нет и правил.
Наш самый первый президент
Два срока пьяным правил.

Два срока отсидел в Кремле
Его соратник бывший,
Но на российской на земле
Ничуть не стало тише.

Наш паровоз куда-то мчит
Опять во тьме кромешной.
Теперь юрист руководит,
Из питерских, конечно.

Пока ещё сочится нефть,
Есть газ, металлы, уголь,
Но слишком дорого иметь
Свой самый скромный угол.

В футболе – множество идей,
Но побеждать не стали.
Воскрес, казалось бы, хоккей,
Но тренеров убрали.

Нас давит множество проблем,
И барахлит погода,
А возвращение в Эдем
Отложено на годы.

Куда идти или бежать,
Нам не понять, как прежде.
И остаётся лишь мечтать
И веровать в надежде,

Что все мы сбросим, как один,
Всё лицемерье масок,
И удивится Карамзин,
А вместе с ним Некрасов.

Мы заживём умом своим,
Россия станет раем.
Коррупцию мы победим...
Или вничью сыграем.

В науках всяческих мы так
Свои стяжаем лавры,
Что станет каждый наш дурак
Умней их бакалавра.

По лентам новеньких дорог
Помчат машины наши,
И подтвердит любой ездок,
Что нет их в мире краше.

Но разбивается мечта
О беды и невзгоды,
И мы несёмся в никуда
Все эти дни и годы.

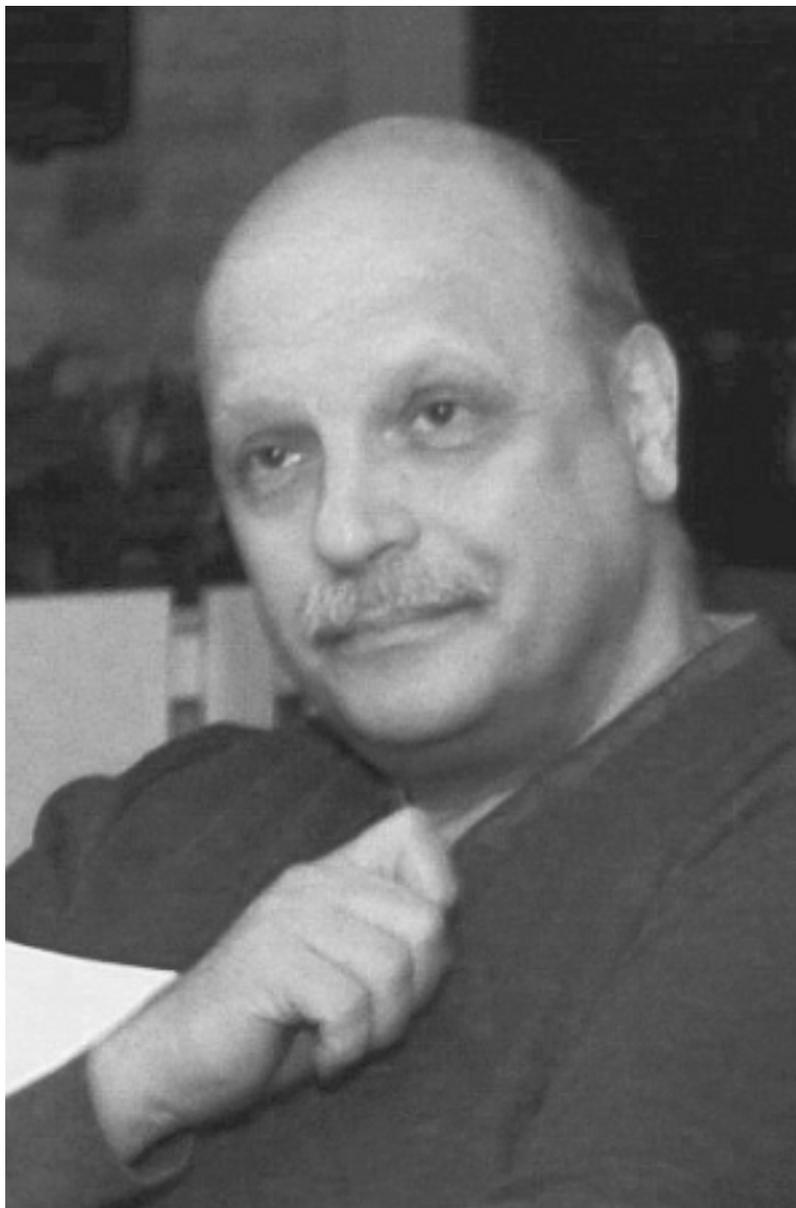
Летят с откоса поезда
В стремнине перегонной,
А путеводная звезда
Становится нейтронной.

Дай Бог нам силы устоять
На этом гнусном спуске,
Чтобы Москва смогла опять
Заговорить по-русски.

19-24.08.2011

Вовка Попов
Москва

Почта: Grafik58@mail.ru

Учился в 684 и 696 школах г. Москвы.
Закончил: МАМТ им. С.К. Туманского, Московский институт связи. Член МГО СП Рос-
сии.

Уже всю торопится весна

Уже всю торопится весна.
Березы голые в сережках

Вбирают сок земной в себя.
Еще чуть-чуть, еще немножко

И лопнут почки, сбрасывая вниз
Нежнейших листьев, зимние одежды,
И каждый божий кроха-капля лист
Своим мазком, как кистью реалист,
Раскрасит лес в цвет веры и надежды.

Еще чуть-чуть и занавес падет
Уже давно не белый, грязно серый
С зияющими дырами, от вод
Ручьев галдящих, в страсти ошалелой

Несущихся не ведомо куда,
Гонимых пробуждением потепленья...
...в кругу зеркальной полыньи пруда,
В плену неспешно тающего льда,
Седые, отражаясь, облака
Спят в ожиданье ветра дуновенья.

Уже всю старается весна...

Ночь в Коломне

Брату Юре

Оглянись, посмотри ни души...
Спит Коломна уткнувшись в подушки.
Спят в кроватках своих малыши.
Помолясь спят седые старушки.

В кельях за монастырской стеной
Спят сопя богомольные сестры.
Спит в больничном покое больной,
Под кроватью спит кот гладкошерстый.

Накренившись, уснула стена,
Краснокаменной мощью кремлевской.
А в «Маринкиной башне» Луна
Ищет след от подошвы Поповской.

След лихого его сапога.
След доверчивой веры и силы...
Под мостом, притаившись, река
Прячет воды Коломенки стылой.

В этот год посреди февраля
Вербы почки свои распушили.
Оголилась местами земля.
Воробьиные стаи ожили.

По предательски оттепель зла,
Как слезливо-плаксиво коварна.
В ночь на Сретенье с неба стекла
Не желанным дождем... Богодарно...

В вековечной нагой красоте
Спят укутавшись в сумрак дерева.
Город спит, на сто пятой версте
Ожидая небес пробужденье.

До весны еще так далеко.
До ручьев, до беспечной капли.
Неуёмно бьет веткой в окно
Куст разлапистой голой сирени.
Ночь...

Русь. Церковь вида неземного

Как не мытая дурнушка
Без гребешка,
Накренья стоит церквушка
У большака.

Где был купол, как слезинка,
Крест золотой...
Там теперь растёт осинка
С жухлой листвой.

Изнутри дверь подпирают
Кряж чурбаки.
Окна бельмами зияют,
Полы зрачки.

Лютым людом, в попущенье
Смертных обид,
Колокол без сожаленья
Оземь разбит.

День и ночь ветра гуляют
Временщики.
Вдовушки не отирают
Слёз со щеки...

Многия церквушку лета
Время щадит,
Как на стартстоле ракета,
В небо глядит

Церковь... вида неземного,
У большака.
В окружении дурного
Борщевика...

Этюды. Гаснет закат

Картина. Холст. Масло. 2017 год

Восхищениям границ нет,
Гаснет закат.
Истекает съёжившись свет
В стрекот цикад.

Праздний вечер умирает.
Ни ветерка.
Звёзд рожденье отражает
Гладью река.

Воздух, как в пустом кувшине
С выпуклым дном,
Пахнет горечью полыни
С терпким вином.

Эта темень навсегда? Нет,
Наоборот,
Ночь, как манны ожидает
Лунный восход.

Галина Брусницына *Москва*

Их крестили не в церкви

Их крестили не в церкви, не в покое еляя,
А в окопе промозглом – прямо перед броском.
От причастия спиртом ни на миг не хмелея,
Заскоружными пальцами осенялись крестом.

Непослушной щепотью ко лбу прикасались
И под купол небесный устремлялись лицом,
И крещения таинством благословлялись —
То ли перед началом, то ли перед концом...

Дым снарядных кадил над землей расстилался,
Здесь любой стал крещеный – перекрестным огнем.
И неистовым таинством Богу уподоблялся,
И любимые губы молились о нем...

...Как шептала родная, крестясь у криницы,
И листочек с молитвой завернула в платок —
Он попозже, на фронте не раз пригодится,
Чтоб махорки засыпать, обрывая листок...

Крылья белые ангела над окопом дрожали
И над образом Сталина, что слыл богом тех лет...
А в нагрудном кармане вплотную лежали
«Отче наш» на обрывке и партийный билет.

В детской, или декабрь 1836-го

(на посещение адреса Мойка, 12)

...А время гонит лошадей

(А.С. Пушкин)

За окном гостиной цокают подковы,
Фыркают упряжки, суетится люд.
А за дверью детской на ковре шелковом
Бегают коняшки – кукольный уют...
День-деньской за окнами добрые лошадки

Экипажи важные за собой везут.
А за дверью детской в кружеве кровати,
Солнечные зайчики в тишине снуют...
По подушкам локоны,
Спят себе с причмоками
Машенька, Сашенька, Гришенька, Наташенька...

Во дворе морозится, нянюшки торопятся,
Ребяtnю укутывать – беспокойный труд.
До обеда, стало быть, во дворе потопчутся.
Воробьям да коникам корму зададут.
Всхрапывают, фыркают, пар от губ клубочками,
Чередой в конюшенки вдоль двора бредут.
Дух навозный, радостный, подковами всклокоченный,
Воробьиной братией облюбован тут!
Посмотрите, кто идет!
Это тятя у ворот!
Машка! Сашка! Гришка! Наташка!

Маленькую на руки, мальчиков в охапку,
К старшенькой щекою – слаще нет минут.

Оседлают весело любящего папку —
Пусть себе играют, покуда не уснут.
Пусть им не приснится снов тревожных вовсе,
Не случится в жизни горестных минут...
Только не увидит папка новых весен,
В Церкви на Конюшенной скоро отпоют...
Долго и в чести живите,
матери покой храните,
Машенька, Сашенька, Гришенька, Наташенька...

Будущая фрейлина, генерал-майорша,
Императорских конезаводов беспощадный суд...
Конный полк лейб-гвардии, в генералы – позже,
Орден свех дюжины – в счет за ратный труд...
Статскому советнику мирный путь начертан,
Упасти наследие – потомки сберегут...
Путь «прекрасной дочери своей прекрасной матери»,
Путь любви непонятой – когда-нибудь поймут...
Спите, милые, всё в срок.
С вами память, с вами Бог.
Машенька... Сашенька... Гришенька... Наташенька...

Сола

(Река Сола протекает под стенами Освенцима)

Легко ли живется тебе, река?
Достаточно ль ты глубока?
Достаточно ль память твоя легка?
Отражаются ль в тебе облака?

Вспоминаешь, как в злые сороковые
Ты слышала стоны еле живые,
Когда убийцы мастеровые
Вершили дела свои рядовые?

Ты как, река, тогда не ослепла,
Когда ссыпали в тебя тонны пепла?
Неужто дно твое только крепло,
Принимая дары из жуткого пекла?

От каждых шестисот сорока граммов³?
Хватит ли по берегам храмов,
Да и на всей земле Нотр-Дамов,
Вифлеемов и Валаамов,

Замолить грех свиты Молоха,
Умалить боль каждого вдоха,
Умолять память до последнего вздоха
Не предать забвенью эту эпоху?

Живи, река,
Ты нужна векам
И пчелам, обихаживающим неплохо
По берегам твоим венчики чертополоха.

³ 640 граммов – средний вес пепла, остающегося от 1 человека

Галина Спиридонова *Москва*

О времени и девушке с веслом

Символ советской эпохи —
Спортсменка в парке с веслом,
Ивы у пруда засохли,
А девушка всё с лицом.

Символ был этот примером
Женской простой красоты,
И впечатлял всех размером
В подробностях наготы.

Не пустовали скамейки
Под сенью тихих аллей,
Редко встречались кофейни,
И люди были добрей.

Общались без интернета,
Гуляли до темноты,
Но время, как эстафета,
Разводит всё же мосты.

Не умиляют скульптуры,
Лишь грусть накатит волной,
Так как другие фактуры
Толпе диктуют настрой.

18.01.2019

Эхом память из Древнего мира

Эхом память из древнего мира
Открывает эпоху чудес,
И поэтов древнейшая лира
Вызывает двойной интерес.

Интригуют богатства Египта:
Сколько мифов, красивых легенд,
В полустёртых словах манускриптов
Скрыты тайны уже много лет.

Поражает воображение

Высота и размер пирамид,
Мы читаем предположения,
Ведь, сама пирамида молчит.

Неужели рука человека
Так сильна без влиянья извне,
Или опыт того же аптека
Своей цели достиг в вышине?

Но по факту, древнейшее чудо
В подтвержденье, что это не миф,
Удивляет людей отовсюду,
Археологов вновь вдохновив.

Велика пирамида Хеопса
И окутанный тайнами сфинкс,
Вновь гипотеза, что в рукотворстве
На Земле был учитель един.

С пор древнейших нас манит загадка,
Как и звёзды на Млечном пути,
И кто знает? Ведь, просто догадка
Нам позволит там братьев найти.

17.01.2019

Байкал

Ломали долго головы лингвисты:
Откуда в лексикон пришёл «Байкал»?
«Бурятский след», – считали оптимисты,
Но неизвестно, кто его назвал.

Давно пришли сюда когда-то люди,
Красивый край, но не было воды,
Благословил Бог этим людям судьбы,
Они остались, избежав беды.

Явился им тогда обычный странник,
Кто предсказал обилие в лесах,
Не ведая, что он небес посланник,
Они его хулили на свой страх.

А он тогда поднялся на вершину
И разом вынул сердце из груди,
В тот миг вода заполнила долину,
В ней больше не было потом нужды.

Проходят годы, катят волны реки,
И, наполняя озеро водой,
Жизнь дарят этим берегам навеки,
А кедры берегают их покой.

Над временем не властвует природа,
Но есть его любимые места,
Которые под сенью небосвода
Хранимы осенением креста.

14.01.2019

В основу сюжета положена легенда об озере Байкал, который является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Салют винограду в кувшине

Когда-то, очень, очень давно,
И, даже, не в этом веке,
Кто-то придумал делать вино,
И это были не греки.

Не зная металла и бронзы,
Кто-то смог создать эликсир,
Представлены миру анонсы:
Веселье, затем дебошир.

Салют винограду в кувшине,
Если в меру, не до конца,
Чтоб не погрязнуть в графине,
Навсегда лишаясь лица.

Необузданность вакханалий,
Шум веселья людям во вред,
Причина кровавых баталий,
Безмерность – источники бед.

Прозрачное зелье сверх меры —
Искушать частенько судьбу,
Пусть во благо звенят фужеры,
Не давая пойти ко дну.

06.01.2019

Так было испокон веков

В истории всех королей
Сопровождала преданная свита,

Подлиз без собственных идей
Со статусом особым фаворита.

Любимец жил особняком,
Желая жизни вечной среди бала,
Хотя, быть может и тайком,
Любовь его к свободе вдохновляла.

Купаясь в солнечных лучах,
Мечтами возносился к большей славе,
Зарвавшись в собственных мечтах,
Он получал величие в забаве.

Так было испокон веков,
Как следует из всех суждений строгих,
Везёт, когда не из глупцов
Тот фаворит, что раздражает многих.

26.11.2018

Война звучит, как приговор

Войной ответив на войну,
Всегда страдали сами люди,
Стараясь отстоять страну,
Чтобы дышалось полной грудью.

В пожарах гибли города,
Затоптанные сапогами,
С земли исчезли навсегда
Народы, смытые грехами.

Всё изощрённей и страшней
Придумывались дальше средства
Убийства тех, кто был слабей,
Чужих детей лишая детства.

Война звучит, как приговор,
Мир гибнет в статусе мишени,
Когда закончится повтор
Попыток ставить на колени?

Причина зависть или страх,
Когда косится взгляд недобрый?
Запутавшись в своих грехах,
Пусть кто-то станет неудобным.

Пусть неудобство на изгой

Заменит статус, заклеив позором,
Всех, кто не думал головой,
Разрушив мир своим террором.

Пусть жертвы снятся в страшных снах,
Лишив агрессоров покоя,
И приговором станет страх,
Убрав причину войн, без боя.

16.07.2018

Висячие сады Семирамиды

Давно в пустынях жарких Вавилона,
Где зной и шум рождали круглый год тоску,
Там звёзды бархатного небосклона
Тень не дарили ассирийскому цветку.

Тончайший шёлк не радовал с духами,
По дому так грустила царственная дочь,
Что мысли занимались сплошь мечтами
О землях, что в жару ей возвращала ночь.

Её супругу было видеть больно
Печальные от слёз прекрасные глаза,
В своей любви тогда непроизвольно
Он взор с вопросом обратил на небеса.

В раздумьях родилась не вдруг идея
Разбить сады на обезвоженной земле,
И вот, таким желанием владея,
Царь создал сад висячий на одном холме.

Поистине, фантастика равнины,
Родившая второе чудо из чудес,
Вращалось колесо, и с ним кувшины
Поили круглый год возникший дивный лес.

Журчание воды и тень с прохладой
Всё ж не смогли отвлечь от грусти навсегда,
Какой ни развлекали бы усладой
Царицу, к мужу привезённую сюда.

Она грустила по родным долинам,
Тонувшим в буйной зелени среди холмов,
По чистым рекам и в цветах низинам,
И отражению плывущих облаков.

Но несмотря на грусть, она любила
Царя, всю жизнь боготворившего её,
И подтверждается, что возле Хилла,
Он и она нашли пристанище своё.

В наследство нам оставлены легенды
И описание чудеснейших садов,
И если бы не эти документы,
Мы не узнали бы, что скрылось среди песков...

02.07.2018

Почти зима, почти Париж

Почти зима, почти Париж,
Звучанье музыки Бельканто,
Вид на Монмартр с покатых крыш,
Плоды безмерного таланта.

Пейзаж наполнен стариной,
Любовь питает атмосферу,
В порыве чувств один настрой
Откроет двери в чудо-эру.

Сюда всегда влечёт мечта,
Как будто нет другого мира,
Французских улиц пестрота
Звучит, как у поэта лира.

Здесь редко выпадает снег,
Но если выпал, это сказка,
Оттенков серых сразу нет,
Есть лишь невинность белых красок.

Поэзия Рембо, Мюссе
Звучит под музыку органа,
И предстают во всей красе
Полотна Франсуа Биара.

Вот-вот раздастся стук копыт,
И по булыжникам старинным
Карета в золоте спешит,
Хоть путь и кажется не длинным.

Бокал французского вина,
Традиционно чашка кофе,
Я вижу это из окна,
Опять ловя себя на слове...

05.01.2018

Далила **Москва**

Братская могила

Здесь холодом веет, и листва,
Перешептываясь с высока,
Братской могиле, как колыбель
Вечную песню поёт, и капель,
Будто слезой обелиск омывая,
Звоном своим напоминая
Звон церковных колоколов,
Призывая память без слов
Помнить вечно наших отцов.

Париж

Здесь пробуждается дух времён.
Париж, в тебя весь мир влюблён!
Ночью все погружается в сон,
И ты услышишь шпаги звон.
Лувр средневековьем кишит,
Топот копыт, меч и щит,
Роскошных дам розовый лик
С картин тебя так и манит.
Сошедшие солдаты с холста
Преданно ищут героя-отца.
Наполеон молча зовёт,
Руку подняв, за собой ведёт.

Версаль

Версаль свои тайны тщетно хранит,
Пруд лебедей Аполлон сторожит.
Вздываясь со дна, колесница коней
С тем рвением в жизнь не сравнится с ней.
И Аполлон, натянув узда,
Застыл с искаженным до боли лица.
Из этой страшной темницы веков
Он будет рваться вновь и вновь.
Ты, столкнувшись с историей дней,
Долго будешь помнить о ней.

Колыбель искусства

Я в колыбель отцов искусства
Попасть мечтаю, и в капель —
Там, где творили так искусно
И Тициан и Рафаэль.
Их дух летает бесконечно,
Венеция все помнит, верь.
Меня коснётся, точно знаю,
Волнение тех минувших дней.

Тот образ, рук его дитя
Расскажет нам через века,
Молча глаза с полотна,
О чем сказать хотят глаза.
Каждый услышит то, что хочет,
И возомнит, что он пророчит.
Но только сам художник знал,
Что передать нам он желал
Секрет душевной лиры звук,
Не покладая своих рук.

Мое духовное творение

Руками стены хочу раздвинуть,
Создать иллюзию хочу.
Пространство углубить желаю,
Что не под силу никому.
Это мое воображение,
Не запрещайте мне мечтать.
Мое духовное творение
Так волю хочет испытать.

Дай времени время

Дай времени время – оно само
Залечит все, что тебе нанесло.
Ему подвластно врачевать,
Веками над жизнью кочевать,
Удар за ударом наносить,
И после зализывать и лечить.

Казнь

Тебя посадили в кадуюшку с водой
И молотом водят над головой.
Когда поднимаешься воздух глотнуть,
Рискуешь в воду уже не нырнуть.
И хоть ненавистна тебе вода,
Ты понимаешь, иначе нельзя.
Как много в жизни готов ты отдать
За глоток воздуха, чтоб не нырять!

Памяти Плисецкой

Титанический труд закулисья,
Балерины волшебный мир.
Одержимость этим искусством
Уносит, как звуки лир.
Зовёт приклониться на веки
Та сила, что есть в человеке.
И ты понимаешь блаженство,
Нет предела совершенства.

Цветок Адониса

Из под земли, из царства сна
Растёт цветок Адониса.
Он, следуя легенде той,
Невероятной красотой
Был мечтой двух сердец,
И жертвой стал любви гонец.
Теперь же каждую весной,
Не отлюбив, он рвётся в бой.

Моя вечность

Ты один для меня уже вечность,
Я в мечтах ухожу в бесконечность.
Не хочу возвращаться в реальность,
Я рисую себе идеальность.
Жирной кистью вожу по мольберту,
Жадно краски сгущаю по цвету.

Жизнь насыщенно ими дышит,
В настоящем такого не сыщешь.

У рояля

По клавишам фортиссимо вверх,
Изображая природы гнев,
Ты хочешь сказать: так гром гремит.
Стаккато дождь по крыше стучит.
Легато – когда хочешь соединить
Ею оборванную нить.
Так в музыке звуки передавая,
Ты наслаждаешься у рояля.
Хочется в этот миг все забыть,
Чтобы достичь наслаждения пик.

Дмитрий Немельштейн *Москва*

Член Союза писателей России, член Международной гильдии писателей. Автор нескольких книг стихов и пьес. Победитель и призёр ряда литературных конкурсов в России и за рубежом. Московской городской организацией Союза писателей России отмечен медалями А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина.

Зенитчики (фронтовая быль)

Памяти моего отца – командира зенитного орудия – и его боевых товарищей, защитивших Москву

Зенитных пушек батарея
В еловом спряталась лесу,
Где младший лейтенант Андреев
В очках на вздёрнутом носу
Внушает третьему расчёту,
Что надо изменить пейзаж,
И прямо «с лёту, с развороту»
Добротный выдолбить блиндаж.
Земля звенит, мороз крепчает:
– «Так прямо с марша – и копать?»
Безусый лейтенант серчает:
– «В палатке, что ли, будем спать?»
Здесь почва лёгкая, ребята,
И был нетрудным марш-бросок.
Берём ломы, берём лопаты...

Под дёрном, думаю – песок.
Иного быть не может мненья».
– «Перекурить бы, командир».
– «Зубцов, Басенко – в охраненье...
Палатка наша сплошь из дыр...
И небо тучами укрыто —
Себя не выдать нам никак» —
Продолжил взводный деловито,
Сжав пятерню свою в кулак:
– «Так что зарыться надо срочно.
Прогреем землю костерком...
Приказ понятен всем?»
– «Так точно!»
– «Покурим как-нибудь потом».

Сержант Немеев подтянулся,
Приказ комвзвода повторил,
К расчёту резко повернулся
И отчеканил, как отбрил:
– «Здесь пули не летают роем,
Здесь бой покуда не идёт,
Так что блиндажик мы отроем...
Авось наш труд не пропадёт».

За дело без большой охоты
Сначала взялись, но потом —
Когда прошибло всех до пота,
Когда накат свели рядком,
За ним второй, а там и третий —
Слегка повеселел народ...
В тепле могучим храпом встретил
Ночь огневой зенитный взвод.

В пяти верстах передовая.
Там смерть витает, там война...
А батарейцы почивают,
Лишь взводный мается без сна:
«Вчера по „мессерам“ палили,
И вот неожиданный поворот —
Стволы зенитки опустили —
Настал по танкам бить черёд.
Как сложится, как это будет?
Всё. Надо бы чуток поспать.
Дежурный поутру разбудит,
Тогда и будем размышлять».
Клонится чёлка в полудрёме
На красный КИМовский значок:
Он видит мать... Уютно в доме...
Поёт без усталости сверчок

За чисто выбеленной печью...
– «Товарищ лейтенант! Подъём!» —
Зубцов трясёт его за плечи:
– «Товарищ лейтенант! Пойдём».
– «Куда пойдём, Зубцов?» – «Басенко
Там дезертира задержал.
Пришлось прибить его маленько,
Твердит, что в медсанбат бежал».
– «Оружие при нём?» – «Винтовку,
Со страху обронил, небось».
– «Не ранен?» – «Мне б его сноровку —
Через кусты ломил, как лось».
– «Ну что ж, пойдём, Зубцов, проверим,
Что там за лось?» – И лейтенант,
Выходит посмотреть на «зверя».

Как гениальный музыкант,
Свою мелодию выводит
Беззвёздная слепая ночь.
По елям треск морозный ходит...
Поскрипывает снег... Точь в точь
Как в некогда любимой сказке...
Взлетают сполохи зарниц
Под орудийные побаски...
Да... Явно оживился фриц.

А это что там за фигура
Подперла ель тугим плечом?
Немеев Осип, что ли? Курит.
Видать, мозгует, что почём.
– «А ты почто не спишь, Немеев?»
– «Товарищ младший лейтенант!
Как завтра?... Выстоим? Сумеем?»
– «Иди поспи... Поспи, сержант».
– «Позвольте, с вами прогуляюсь,
На дезертира погляжу?
Я их на дух не принимаю,
Без слов обойму разряжу».

Ну вот и рядовой Басенко,
Высокий, прочный, как скала.
(Такую вот живую стенку
Судьба бегущего нашла).
Беглец, при виде лейтенанта,
В истерике запричитал:
– «Там немцы... Там прорвались танки...
Я ранен, я в санбат бежал».
Андреев вслушался. Как прежде
Гремел за горизонтом бой.

Сказал, устало смежив вежды:
– «Да замолчи, солдат, не вой.
Немеев! К нам его, покуда...
А я комбату доложу».
– «Вставай, пошли в блиндаж, иуда.
Не то на месте уложу» —
За воротник шинели дёрнул
Немеев горе-беглеца.
Тот встал неловко и покорно,
В который раз сошед с лица.
– «Какие ночью танки, парень?
Ладошка – чистый самострел.
Из паники супец твой сварен.
В бою скорей остался б цел...»
– «Сержант. Веди его в землянку.
Пусть до команды посидит...
Потом – в особый... Там про танки
Расскажет. Там заговорит».

Ведёт Немеев паникёра,
Немеев – опытный сержант,
Вчерашний слесарь по моторам —
А ныне гневный комбатант.
Воюет он с большой охотой
И злостью. И не за почёт.
Уже четыре самолёта
Сбил под Москвой его расчёт.
Воюет за родных, кто сгинул
Без всякой видимой вины;
За тех, кто отчий кров покинул,
Уйдя подальше от войны;
Воюет, как бы в одиночку,
За тот большой донской колхоз,
Что приютил жену и дочку...
Воюет яростно, до слёз...
За город Каменец-Подольский,
В котором рос, в котором жил,
И где на путь неровный скользкий,
Став комсомольцем, не ступил...

Тут дезертир, вильнувши задом,
Рванул, петляя, в тёмный лес...
Сержант тотчас послал за гадом
Три выстрела и гад исчез.
Немеев кинулся вдогонку,
Умело подхватив свой ствол,
И... встал, ругаясь потихоньку —
Беглец от пули не ушёл.

И вот стоит сержант Немеев
Перед усталым комполка
И почему-то не жалеет,
Что пристрелил того жука.
Вокруг него удавом вьётся
Щеголеватый особист,
То так, то этак извернётся,
Держа в руке тетрадный лист:
– «Не жалею я добродеев,
Кто свой без меры длинный нос
Во всё суёт. Хоть ты, Немеев,
Другой, возможно... И вопрос?...
Зачем стрелял, башка баранья?
Ты что – догнать его не мог?
Ты кто? Судья? Какого званья?
А он раскрыть бы нам помог
Сеть из подобных паникёров...
Пойдёшь, милоч, под трибунал» —
Отрезал капитан Майоров
(Своё он дело туго знал).

Что мог ему ответить Осип?
Стоял понуро и молчал:
«Ишь, добродеев не выносит...
Ох, мама, мама, я пропал».
– «Ну, а пока на батарею
Пройдём с тобой. Порасспрошу
Подробнее, кого успею.
А там уж дело и решу».

Идёт сержант Немеев Осип
За капитаном. Хмур и зол.
Молчит и ни о чём не просит:
«Спасибо, не под протокол
С ним особист провёл беседу.
Под трибунал отдаст? Как знать?» —
Идёт сержант Немеев следом:
«А вдруг прикажет расстрелять?»

Рассвет всё ближе. Тьма редет...
Чу, грозный оклик: «Кто идёт?»
Пароль назвал сержант Немеев,
Прошли на отзыв. Весь расчёт...
Да что расчёт? Вся батарея
Уже стояла на ногах:
Не может быть, чтобы Немеев
Так оплошал. Привычный страх
Перед безжалостным отделом
Был ведом каждому из них:

В бою остаться проще целым,
Чем в лапах этих записных...

Рассвет лизнул тугую вату
Нависших низко облаков
– «Веди, сержант, меня к комбату.
Пусть скажет мне, кто ты таков?
А там и весь расчёт твой скажет» —
Изрёк весомо особист.

Комбат – в плечах косая сажень —
Был, как обычно, не речист.
И пробасил: – «А ну-ка, выдь-ка».
Немеев вышел, напряжён:
«Не сдаст его комбат Копытько —
Земляк ведь... В Каменце рождён.
Но, что не сдаст, едва ль поможет».
– «Входи, Немеев» – вестовой
Позвал: – «Пока простят, похоже.
Потом займутся, брат, тобой».

Копытько пробасил спокойно:
– «Таки прорвались. Не забудь...
Бьём по бортам, бьём бронбойным.
Иди, сержант, к расчёту. Будь!».
Копытько знал, что после боя
Немногих Бог оставит жить —
Судьба им выпала собою
Москву от немца заслонить.

Бежал на радостях к расчёту
Немеев Осип, как на бал;
Вершить привычную работу —
А то чуть было не пропал.

Стоят, таятся на опушке
Почти у самого шоссе
Зенитные четыре пушки
В танкоопасной полосе.
Позиция была удачной —
Лес клином выходил на тракт:
– «Согласно боевой задаче,
Бьём гадов в борт... И только так».

Из мглы рассветной и морозной
Ползёт фашистский караван...
Почти игрушечный, негрозный,
И непохожий на таран.
Безмолвен лес. Не дрогнет ветка.

Всё ближе лязг, всё громче гул.
Знать, оплошала их разведка,
И под прицелом наших дул
Они нахально и беспечно
Спешат на всех парах к Москве.
– «Ну, хлопцы! Встретим их сердечно,
Ударим их по голове...
И хвост отрубим. Вы уж, братцы,
Не оставайтесь осторонь.
Не дайте немцу разгуляться...
Пора, ребяташки!

ОГОНЬ!!!» —

«Огонь!!!» – четырежды, как эхо,
В рассветной мгле отозвалось.
Внезапность – главный ключ успеха,
Когда есть боевая злость.

Уже горят четыре танка.
В хвосте горят и в голове:
– «Ага, задёргались, поганки...
Зубцов, возьми чуток левей.
Бьём по машинам, что с пехотой» —
Немеев Осип прокричал.
– «Работай, хлопчики, работай» —
Басенко жару наподдал.

В смятенье враг остановился,
И, развалив походный строй,
Заскрежетал, засуетился,
Ответил нервной стрельбой.
А следом в боевой порядок
Свою колонну разверстав,
Попёр на дерзкую засаду,
Как учит танковый устав.
Но бьют пока по направленью.
Зенитки бьют издалека
И точно в цель, без ухищренья —
В лоб, в траки, в серые бока...
«Нет, им не подобрать отмычки,
А мы их тут и порешим» —
И вспыхивают, словно спички,
Громады вражеских машин.
Две пушки лупят по пехоте,
Две пушки лупят по броне:
«Нет! Врёте, гады, не прорвётесь!
Вот это, хлопчики, по мне!
Не знают, шавки, с кем схватились» —

Немеев Осип вытер пот.
Бесславно немцы откатились.
«Неужто фриц опять пойдёт?»
Уже горят с десятков танков,
Пяток грузовиков в огне...
«Таки поёрли снова... С фланга.
А это, братцы, не по мне»
За танками ряды пехоты,
Снарядов вой, осколков свист...
Уже работает в расчёте
Щеголеватый особист.
Как в лихорадке развернулись
Зенитки и пошли частить.
И снова немцы поперхнулись.
Пришлось им вновь поворотить.

В тот день зенитчики отбили
Немало танковых атак.
И ясно стало вражьей силе:
Не проскочить ей просто так.

– «По моему ушли, но это,
Сдаётся, хлопче, не финал.
Начнут бомбить, по всем приметам» —
Копытько Осипу сказал.
Он был и весел, и спокоен:
– «А ты лихой боец, земляк,
Руководить умеешь боем...
Всё делал так, Всё сделал так.
Не знаю, кто б сработал лучше.
Жаль, с маскировкой не успеть.
И, как назло, редуют тучи...
Видать, придётся попотеть».

Убит Зубцов, убит Басенко,
Убит Майоров-особист.
И вряд ли будет пересменка —
Упёрт и мстителен фашист.
Как в воду зрел комбат Копытько:
Три «мессера», сваясь в пике,
Не отказались от попытки
Зарыть зенитчиков в песке.

Что было прежде – всё игрушки.
Комбат и Осип, не страшась,
Рванулись к уцелевшей пушке:
«Сейчас, родимая, сейчас».
Но пламя бомбовых разрывов
Позицию накрыло сплошь

И батарейцам вражий вызов
Принять на равных не пришлось.
Такая карта им упала —
Уйти, пощады не прося.
Недолго буря бушевала,
Сжирая всех, сжирая вся...
Когда исчезли «мессершмитты»
Когда осел последний взрыв,
Когда, казалось, все убиты,
О многом недоговорив,
Уйдя в грядущие начала,
Стал различим чуть слышный стон —
Рефреном фраза в нём звучала:
– «За нашу Родину – ОГОНЬ!!!»

Казалось, что землёй исторгнут
Был этот клич, был этот глас...
Казалось, это ели стонут...
Но кто исполнит их приказ?

Из-под песчаной кучи выполз
Сержант Немеев, весь в крови,
И встал, шатаясь, с длинным всхлипом;
И всё схватиться норовил
За что-нибудь. Стоял недолго,
Шинель бездумно теребя;
Услышал слабый стон за ёлкой,
И начал рыть, придя в себя.
Руками рыл, без вариантов,
А там Андреев сам помог.
И вот, обнявшись с лейтенантом,
Стоят вдвоём, не чуя ног,
И по-мальчишески рыдают:
До их сознания дошло:
Они одни прошли по краю —
Всем остальным не повезло.
Их нет в живых, кто с ними рядом,
Стоял стеной плечом к плечу,
Вплоть до последнего снаряда...
– «Немеев, я так НЕ ХОЧУ!!!»

– «Товарищ лейтенант! Товарищ...
Не наша с вами в том вина.
ВОЙНА... Ей ложный счёт не впарить...
Товарищ лейтенант – ВОЙНА!».

Стояли, накрепко обнявшись,
Пока вспотевший комполка,
Через завалы перебравшись,

Не взял их крепко под бока:
– «Ну что вы плачете, ребятки?
Ну что вы... Остановлен фриц...» —
А сам смахнул рукой в перчатке
Слезу тяжёлую с ресниц.

Зенитных пушек батарея
Навек замолкла в том лесу.
Остались жить комвзвод Андреев
И мой отец – сержант Немеев,
Чью память я в себе несу.

Июнь 2018

Евгений Бузни
Москва

Горки Ленинские
Поэма

Через год сто лет со дня рождения вождя революции

*И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.*

С. Есенин

Последнее пристанище вождя,
чьё имя прогремело революцией
и прошумело ливнями дождя,
вобрав вселенную от Маркса до Конфуция.

Что думал он, впечатанный в постель,
когда не мог подняться над подмостками,
и так сказать, чтоб шапки набекрень
сдвигались изумлёнными подростками?

И так сказать, чтоб колотил озноб
жиреющего соками народными
клопа от страха, что черёд грядёт
ему платить за всё, за что был проклятым.

Что думал он, когда не мог писать,
а мозг работал, переполнен мыслями?
Но как их выплеснуть? Как шевельнуть кровать?
Какими знаками о будущем всё высказать?

Ведь понимал, что будет вороньё
слетаться и клевать его наследие.
Как людям подсказать, что день придёт,
и возвратятся к людям мысли Ленина?

* * *

В современном магазинчике
на прилавке книги... книги...
Есть словарь энциклопедический,
Блок, Есенин, Федин, Лидин...

Не берут. Другое чтиво
на читательском подносе.
Детектив берут учтиво
и к очкам своим подносят.

Упираются глазами
в тонки простыни интима.
И бандитов нарожали.
И развратников взрастили.

А над этим над всем уверенно,
чуть прищуренный бросив взгляд,
многотомные мысли Ленина
наши помыслы бороздят.

И стихи.
В них назло всем нытикам
через самое сердце земли
неразрывно крепкими нитями
мысли Ленина пролегли.

И в свершённом они, и в поисках,
в самолёте,
в ракете,
в поезде.
И в пространствах они космических.
Невозможно их даже вычислить.
Каждый день,
каждый час,
секунду
Ленин рядом стоит как будто.
И в любых делах, как поверенные,
мысли Ленина,
думы Ленина.

* * *

Стой, строка!
Не закончил пока,
Оглянись назад!
Врать нельзя.

Каждый ли может
сказать без дрожи,
что никогда
себе не лгал?

Читая Ленина,
все ли уверены,
что день за днём
по нему живём?

* * *

Пионерия с именем Ленина,
Отчего же твой горн ослаб?
Ты в хорошее только верила,
Ты на добрых делах росла.

Комсомол, где твоя уверенность?
Справедливости где запал?
Или в долларах совесть потеряна?
Или жаркий огонь пропал?

Новодворская слюною брызжет.
Злостью давится Хакамада.
Жириновский в Москве и Париже
извергает слов канонаду.

Мысли все у народа опутаны
то ли Путиным, то ли путями.
Слева на сердце давят страхи.
Нет царя, но пришли олигархи.

Всем известно: хрен редьки не слаще.
Бедняка жизнь опять пропащая.
Вот и смотрят, а что же Ленин
говорил для всех поколений?

Сколько ждать?
На кого надеяться?
И корова без пищи не телится.
Тучи горькой слезой перегружены.
Дождь стекает и тянется лужами.

Опустилась заря занавескою.
Колыхнулся от ветра чуб.
Собираются в Горки Ленинские
люди к Ленину, к Ильичу.

* * *

Тебя бы просто так обнять.
Увидеть бы тебя счастливым.
Тебе бы с нами здесь стоять
живым вождём с людьми живыми.

Но, как берёзе не вернуть
среди зимы листву былую,
в тебя метели не вдохнуть,
мехами сердце не раздуем.

К тебе бы сделать только шаг
от ивы, что к плечу склонилась.
Тебя обнять бы просто так,
сказать от всей души «Спасибо!»

За то, что жил,
за то, что сделал,
за то, что весь народ любил,
за наше, за святое дело
себя до времени сгубил.

Но видим, видим мы порой,
что вон идёшь ты среди елей.
Ты так в Россию врос собой,
как будто вся Россия – Ленин.

Так хочется без суеты
чуть свет под утренний туман
к тебе сегодня подойти,
спросить:
– Теперь что делать нам?

И снимаются с книжных полок,
чтобы сверить свой шаг во времени
сотни, тысячи раз многотомные,
многодумные мысли Ленина.

Елена Вагнер Федосеева
Москва

**Отрывок из аудио-видео-электронной книги
«Муза поэта. Парижская любовь Маяковского»**

Мятежный и дикий, далекий, опасный...
Поэт, сценарист, драматург, режиссер...
О, боже, помилуй... ты русский и страстный...
ВладиМИР... Маяк... ты – художник... актёр...
Ты «руки ломаешь»... срываешь ромашки...
Гадаешь: не любят? иль любят тебя...
Уже полвторого... ушел день вчерашний...
Ты молнией «писем» разбудишь меня...

Век прошлый... республики цвет твоей красный...
До дрожи довел поцелуй рук и губ?
Любовь парижанок считал ты опасной?...
В «шелка разодетыми с самками» груб...
Татьяна тебе лишь и «ростом-то вровень»...
В «Небесной трагедии» – страсть... не гроза...
Свист режет сердца поездов в Барселону...
И поступи молний секут небеса...

Да, ревность... чувств огненных пляска...
Коросты от страсти судьбы роковой...
И жены, и слезы, и Вия суб-маски...
Поэт-Маяковский... в стихах разговор...
Мучительна ревность за Маму-Россию...
Волнует судьба «миллионов мужей»...
Нужны и в Москве «длинноножки худые»:
«Нефтяникам девочки тоже нужней»...

Елена Егорова
Дзержинский

Чудный остров

Дела заброшу скучные
Воскресным летним днём,
Оставлю стены душные
В квартале городском.
Густых берёз вуалями
Укроюсь от жары
И полюбуюсь далями
С Голюбовской горы.

Лучей златые линии
Пронзают облака.
Атласной лентой синею
Течёт Москва-река.
Когда-то воды вешние,
Покинув берега,
Затапливали здешние
Бескрайние луга.
Средь зеркала безбрежного
Виднелась вдалеке
Церквушка белоснежная
Села на островке.
Венцы блестели острые
Резных хором царя...
Назвали люди Островом
Селение не зря.
Царь приезжал с охотою
Туда, в родной удел,
Потешиться охотою
И отдохнуть от дел.
Давал он в ночи летние
Богатые пиры...
Минули три столетия
С далёкой той поры.
Давным-давно в сражениях
Сгорели терема,
Лишь храм Преображения
С высокого холма
Нетронутой святынею
Доселе свой шатёр
Возносит в небо синее.
Кокошников узор

Причудливой каёмкою
Охватывает стан,
Ажурною тесёмкою
Украшен барабан.
Исходит Свет Божественный
От множества крестов,
Разносится торжественный
Трезвон колоколов.

Над мирными уделами
Старинного села
Храм с белыми приделами
Возносит купола.
Он в наше время чёрствое
Средь моря суеты
Остался чудным островом
Любви и красоты.

Елена Павлова *Москва*

Город-призрак

Вокзал Московский. Здравствуй Петербург!
Я выйду на перрон через минуту,
Как будто в старый возвращаюсь круг,
Где холодно и очень неуютно.

А Невский также весело шумит,
В моей груди забытое смятенье.
Тревожен твой величественный вид,
Всё, как тогда – печаль и восхищенье.

Блеснул лучом сусальных позолот,
Природа солнцем одарила скупю,
Но давит слава царственных высот,
Как тяжестью Исаакиевский купол.

Адмиралтейства тонкая игла
Пронзила ткань небесного покрова.
Ты так красив в чугунных кружевах
Всегда в тумане невесомый город.

Возможно, от того суров твой лик,
С изысканною бледностью фигуры,
Что ты навек изяществом постиг
Минор своей печальной увертюры.

Мерцает свет от строгих фонарей,
Здесь по ночам бывает слишком тесно
Среди толпы гуляющих теней,
Взирающих на город с интересом.

Здесь тянет духом высохших болот.
Как крест несёт петровская столица
Тяжёлый символ «северных ворот»,
Где проступают жертвенные лица.

И проникает сыростью залив,
Соль разъедает крепостные стены.
Твой мрачный вид немного оттенил
Цвет чаек, снега и холодной пены.

Цепями времени прикованный к земле

И к облакам, спускающимся низко,
Ты манишь тайной созданной в тебе
Из прошлого плывущий,
город – призрак...

Поездка в Гатчину

В объятиях дворцового каре,
Задумался, когда-то шумный двор,
Глаза пустынных окон на заре,
Глядят на стёртый площади ковёр.
Как занавес раздвинулись года...
Театром – плац, стучат шаги солдат...
Ну, что же Павел, знать твоя судьба
И после смерти принимать парад.
Отечества вполне надёжный щит,
Стоят, сомкнувшись, ровные ряды.
Твой гордый взгляд пророчеству открыт,
Но есть в нём отражение беды.
И как всё безнадёжно далеко:
Твоя фигура, площадь и дворец...
Быть избранным наверно нелегко,
И душит окровавленный венец.
Ах, бедный Павел, грозен этот свет,
Гармония не дружит с красотой.
Смотри! Над крышей самолёта след
Растаял не исполненной мечтой...

Крым. Воронцовский дворец

На южном побережье Крыма,
Где правят гордые ветра
Ландшафт, неповторимый климат
Воды и солнца, и тепла,
Стоит дворцовое виденье
На фоне бледно серых скал.
В нём архитектор вдохновеньем
Рельеф горы в проект вписал.
Владенье графа Воронцова
Оригинально и сейчас,
Здесь местный камень лёг в основу
Серо зелёный диабаз.
Смешенье образов и стилей —
Когда-то модный эклектизм,
Квадратных башен, острых шпилей

Средневековый романтизм.

Своим размером восхищает
Дворцовый парк из года в год,
На юге к морю нас спускает,
На север в горы приведёт.
Великолепные террасы,
Чуть выше пруд для лебедей,
Срослись большой и малый Хаос
В нагромождении камней.

Известнейший потомок рода
Здесь жил, работал и творил
На благо трона и народа
В оазис пустошь превратил.
Он рос в «туманном Альбионе»,
Послом державы был отец,
Но русской преданный короне
К родным вернулся наконец.
Известность графа поджидала
На поле воинских побед,
И эполеты генерала
Одел он рано, в тридцать лет.

Мы благодарны поколениям,
Что сохранили этот дом,
Здесь был когда-то «Русский гений»
Графиней сильно увлечён.
Не избежать интриг дворцовых,
Опять кипит страстей накал,
И Пушкин профиль Воронцовой
Татьяне Лариной отдал.
Обидно колкой эпиграммой
Решил он мужу досадить,
Известный треугольник драмы,
Но князь не стал поэту мстить.

Был генерал России верен,
Вложил в свой труд немало сил.
Сюда на мусульманский берег
Вновь христианство возвратил.
Хозяин солнечного края,
Исконно русский патриот,
Он, жизнь душою принимая,
Почти Европу создаёт.
Князь умер в солнечной Одессе,
Увековечен на земле.
«И неизменна будет верность»
Девиз на родовом гербе.

Ирина Лесная-Иванова *Москва*

У памятника А.С. Пушкину

Одно из значений слова гений – это Дух добра.
автор

Вот кинотеатр «Пушкинский». Поэт
Прогуливаться б мог среди фонтанов,
И слушать пенье птиц, и видеть свет,
И любоваться ликами тюльпанов.
Вы думаете: Пушкин оживёт,
Как Командор иль Медный всадник вдруг?
И в казино, наверное, пойдёт,
И выиграет, ведь он Фортуны друг?
Но только в сказках происходит так.
«Убит поэт!» Давно убит Дантесом.
У каждого таланта есть свой враг.
(Я замечаю это с интересом.)
Жизнь с каждым годом падает в цене...
Какой цинизм! Безумие какое!
Но Пушкин будет жить в тебе, во мне:
Навеки славен гений добротой!

У памятника «Равноапостольной княгине Ольге», созданного В. Клыковым

Вот и стала Ольга святой,
Христианство ведь приняла.
Нимб теперь над ней золотой.
Крест в руке. Отступает мгла.
Самой первою на Руси
Христианкой стала она.
Бог, Россию от бед спаси!
Вера очень теперь нужна.
Внук Владимир всю Русь крестил,
Это Ольги княгини свет.
И сегодня мы Ольгу чтим,
В бронзе есть истории след.
Памятник на века создал
Скульптор Клыков наш Вячеслав,
Чтобы дух святой охранял
Русь, главнейшую из держав.

2016

Памятник В. Высоцкому на Ваганьковском

Высоцкий – высь, вершина духа горнего,
Он прожил жизнь за многих, пережил.
Создал и образ альпиниста гордого,
И бунтаря, что «рвётся из всех жил».
Он рвётся к небу. Видишь? Даже каменный,
Из савана, с земли, лишь ввысь, туда,
Где солнца свет, и пламенный и праведный,
Ведь истину небес несёт звезда.
Высоцкий – пик. Ты покори его,
Как покорял судьбы и сердца,
Высоцкий – рык. Порою даже здорово
Борьбе за жизнь учиться у творца.

Посвящение Марине Цветаевой

*Любимой картиной Марины Цветаевой было полотно В. Сурикова
«Боярыня Морозова»*

Колени нищего с мороза розовы,
Ах, ветер свищет как! —
Везут Морозову.
Орут проклятия вослед саням.
Как на распятие, везут меня.
Была боярыня, да стала пленница.
По коже след огня, но не изменница.
Кричит под пытками душа-раскольница,
А не раскается, а не расколется.
– Пытайте, нехристи, казните первую.
Я буду крест нести, я крепко верую!

Верую в первый январский снег...
Верую в близких, которых нет...
Верую: выше любовь, чем боль!
Верую: я навсегда с Тобой.
Клятвы тихи, да, как сталь, уста.
Жизнь и стихи – это два перста!

1993

Софья-мятежница

По картине И. Репина «Царевна Софья Алексеевна через год после её заключения в Новодевичьем монастыре во время казни стрельцов и пытки всей её прислуги»

Стрелецкий бунт. Горят селенья
В дыму и травы, и кусты,
Мятежнице, мне на мгновенье
Виденьем божьим монастырь.
Не верила, казалось: просто
Игра расстроенной души...
Стен монастырских серый остов
И я одна теперь в глуши...
Стрелецкой казни помню утро,
В то утро Солнце не взошло.
Когда бы брат мой правил мудро,
Беды бы не произошло!
Страной могла бы лучше править
Я, Софья, царская сестра.
Нельзя страну Петру оставить:
Вся Русь погибнет от Петра!
Монахинь рясы отвергаю
И в царском платье золотом
В монастыре я утверждаю,
Что Пётр с Антихристом знаком!
Оплакиваю Русь святую,
Жемчужных слёз сияет град!
Скорблю о брате и тоскую,
Мой бедный, мой заблудший брат!
Он бесом одержим ужасным,
В припадках гнева страшен он!
А мне приснился утром ясным
О новом царстве светлый сон.

1994

К одному замечанию В. Сурикова о харизме

Глядя на картину И. Репина «Царевна Софья в монастыре...», В. Суриков сказал: «Нет, не пошли бы за этой бабой стрельцы!» Он принялся рисовать свой эскиз Софьи.

Идут за одержимыми всегда.
Была царевна Софья молода.
В глазах её тогда лучился свет,
Свет доброты, какой теперь уж нет.

Идут за одержимыми всегда.
Была та женщина в душе горда,
В мечтах всё покоряла города
И земли крымские она тогда.
Идут за одержимыми всегда.
Порой идут за ними в Никуда,
Порой на плаху, а порой в тюрьму,
Ну, а порою к Богу одному.
Идут за одержимыми всегда.
Мне подарила истину звезда,
А дождь ночной вдруг зарыдал над ней...
Мне звёзды на Земле «всего родней!»

2010

По картине В. Сурикова «Меншиков в Берёзове»

Нахохлившийся коршун среди семьи
Здесь Меншиков. Он с перстнем сжал кулак,
Собрал всю волю, силы все свои,
Чтоб дальше жить. В углах избы лишь мрак.
Вокруг детишки – дочки две и сын.
У всех, увы, поломана судьба.
Мария погрузилась в горький сплин:
Болезни и здоровья в ней борьба.
Здесь ни пиров, ни балов и ни слуг.
Глушь, тишь, безлюдье, наползает тьма.
Как деревенский скоротать досуг?
Как не сойти в безвестности с ума?
Читать? Или, как юноша, мечтать?
Иль вспоминать о том, «что не сбылось?»
Невест Петра второго век считать,
Той, что царицей стать не довелось?
А Меншикову в дебри злых интриг
Забраться, чтобы снова во дворец?!
Нет, поздно. Он опять простой мужик,
Немногочисленной семьи отец.
В углу икона вся из серебра —
След роскоши его палат былой.
В избушке тесно, смрадно, полумгла,
Зато медвежья шкура под ногой!
Да, жизнь вновь поднимать, как целину...
Удар тяжёл. Не отойти ко сну.

2008

У картины В. Сурикова «Взятие снежного городка»

Взятие снежного городка!
Заразительное веселье!
И проходит за миг тоска
В день прощёного воскресенья.
Конь летит на крепость стремглав,
Снег рассыплется белой пеной,
Лебедь-деву на миг создав.
Свежесть снежная во Вселенной.
Сверху шубы цветная шаль:
Расцветают розы в мороз!
Рассыпается в прах печаль
В хороводе радужных грёз:
Вот лихой казак на коне,
Крепость взяв, примчался ко мне!
Среди всех удалых парней
Он всех краше, умней, милей!
Словно солнце, лучистый взгляд...
Это ж мы двести лет назад!

2009

По известной картине К. Флавицкого

Глядя на картину «Княжна Тараканова», я представила, что от тюремного холода и воды жёнищина могла простудиться и ощущать жар. В этом состоянии горячки она вспоминает обманувшего её мужчину и бредит, думая то о грядущей коронации, которая произойдёт после свержения ею Екатерины II, то о спасении от наводнения в тюрьме, то о смерти.

Автор

От подступающей воды
Не холод – жар!
Вода как чёрный «знак беды»,
Не вспомню бал!
Не вспомню, как ты целовал.
Я здесь одна!
Не вспомню, как ты обнимал.
Черна стена!
Не вспомню, как «люблю» твердил:
Одни слова!
Чужим любовником ты был!
Жар... Голова...
Я жизнь свою пила захлёб:
Веселье, блажь!

Горячий не крестила лоб.
Любовь, кураж...
Меня должны короновать.
Сюда идут!
Вода не будет прибывать!
Меня спасут!
Душа сквозь стены навсегда
Взлетит в зенит!
Мне жарко! Тёмная вода
Жар охладит!

2011

«Герника» Пикассо

По легенде, фашисты спросили художника: «Этот ужас создали Вы?» Пабло Пикассо ответил: «Нет, это вы сделали, а я только изобразил». Странно, но сих пор существует фашизм в психологических взаимоотношениях людей друг с другом и с миром.

Автор

Герника – это взорванный мозг.
Душа распалась на части.
Герника – это упавший мост.
Это моё несчастье.
Это фрагменты счастливых дней.
Это мой белый страх.
Трупы желаний и лошадей
И разорванный флаг.
Герника – ужас небытия,
Бывшего жизнью, да?
Герника – символ вторжения,
Смятение и беда.
Герника – то, что не склеишь вновь.
Невозможно собрать.
Герникой стала моя любовь.
Думаете: терять —
Это легко? Можно снова жить?
Творить, сочинять, играть?
Головы новые закружить,
Лучше ещё стать?
Может, и можно, ведь расцвела
После налётов вновь
Герника. Вся в крови была.
В землю ушла кровь.
В землю ушла – родились цветы.
Лишь на картине, там,
Просто фрагменты тел и мечты
Разрублены пополам.

2010

По картине Василия Нестеренко «Непокорённый»

*Полотно посвящено реально существовавшему герою Великой
Отечественной войны Фомичеву Юрию Александровичу*
Автор

Вот воин-победитель среди льда.
Жизнь отстоял, но больше он не нужен.
От равнодушья новая беда,
Как пережить ему людскую стужу,
Как уцелеть в холодный этот век?
Ни пули не убили, ни страдания,
Ни смерти страх. Всё вынес человек,
Но холодомдохнуло мирозданье...
Тот холод, словно новая война,
Нейтронной бомбы незаметный след...
Незримо истребит людей она,
Коль равнодушию не скажут: «Нет!»
А воин: «Даже льды удастся мне
Любовью к людям растопить к весне».

Константин Спасский
Москва

Актёр. Автор многих поэтических сборников. Снялся в 140 художественных фильмах, среди которых: «Адвокатессы», «Город соблазнов», «Джокер», «Невидимки», «Семейный ужин», «Сеть», «Энигма», «Дипломатический шторм», «Схватка», «Чужие крылья». Академик. Почётный профессор. Победитель всероссийских и международных конкурсов.

Тракт

Где ветра приносят холод,
Где от свежести ознобы,
Там томится пьяный солод
Во хмелю поющей злобы.

Там жалело небо краски
Солнце свет не изливало.
И давило, плотной вязки,
Жёлтой пыли покрывало.

По законам – не законам!
Каждому и так понятно, —
По кандальным перезвонам
Не найти свой путь обратно.

Тракт впитает крови реки,
Да умоется дождями.
Многие закроют веки
За далёкими краями.

В России осень

Шинели серые мели...
В России осень.
Чекист устало задавал свои вопросы.
Он очень просто объяснил: «Открыто дело».
Я был подавлен и разбит, смотрел не смело.
Я понимал, что возражать не стоит вовсе.
И знал, придётся подписать всё, что попросят.
И если очень повезёт, то до ГуЛАГа
Особая определит меня бумага.
Не повезёт.
Так без судов мученья малы,
Сведёт расстрельная ЧеКа меня в подвалы.

Наш бой

Я думал, что святые святы,
Что жизнь проста, а смерти нет,
И что погибшие солдаты
Вернутся вновь на белый свет.

Я думал, что пройдут парады
По окончании войны.
И что высокие награды
Получат родины сыны.

Все, в общем так.
И всё иначе.
Где смог, и я рискнул собой.
Покоя нет. А это значит,
Что продолжается наш бой.

«Убили деда и прадеда...»

Убили деда и прадеда.
Прадеда финны, деда фрицы.
Отцу досталась лишь победа,
А мне отцовы небылицы.

Кому судьба, кому судьбина —
Тюрьма, протез, звезда, медали,
Кусок земли, сырая глина,
Таёжный гнус, пустыни дали.

Кому-то космоса пространство,
Кому ещё войны достаток,
Да чёрное голов убранство,
Жизнь начинающих, солдаток.

Что ждёт меня? Отцово пьянство?
Судьба героя или гада?
Убогой жизни постоянство?
Или Всевышнего награда?

Увидеть хочется прадеда,
Послушать деда, выпить малость,
Чтоб потекла у нас беседа
За жизнь, за молодость, за старость.

Но всех давно поубивали.
Прадеда финны, деда фрицы.
В истории пустые дали
Ушли родные сердцу лица.

Конармейские песни

Нашла тень на плетень,
Белый плетень, красная тень.
Жажда свободы! Дерзкие песни,
Ветер приносит страшные вести.

Конница, конные, потные спины.
Шашкою срублены ветви рябины.
Шашкою срублены головы, руки.
Руки чесались, рубили от скуки.

Скука зелёная! Мама родимая!
Армия наша непобедимая!
Все на борьбу! Мужикам по винтовочке!
Пусть поржавеют в чуланах литовочки!

Будут кому-то деньки непогожие,
Пусть потрясутся теперь толсторожие.
Чёрные мысли. Тревожные слухи.
Не позабыла щека оплеухи.

В ночь разгулялась удалая конница.
Кого это нынче тревожит бессонница?
Луна закатилась за грязную тучу.
Законы истории свалены в кучу.

Горят и гуляют родимые сёла.
Шашечкой машет парень весёлый.
Разучат будёновцы новые песни.
Буржуин проклятый от зависти треснет.

Свобода проснулась, лютует свобода,
Народ ополчился на Господа Бога.
Завыла душа от накопленной злости,
Где ни копни – безымянные кости.

И хочется драки! И хочется мести!
И ветер доносит бодрящие песни.
И шашками рубятся головы, руки.
Как много в России убийственной скуки.

Левша

Прорастал по ветру хмель.

Хочешь – верь,
Не хочешь – верь.
Дурью голову с плеча!
Осудили сгоряча!
Плакал, бороду кусал
Раб, слуга, холоп, вассал...
Шла история вперёд,
За историей народ.
За народом, не спеша,
Полупьяный брёл Левша.
На Левше его блоха
Лапки кутала в меха.
Эх, Левша, собачий сын,
Был бы сам ты господин,
Ты б сумел, ядрена вошь,
Показать на что ты гожд!
Только ты не господин,
Хоть и дожил до седин...
И блоха твоя тиха,
Дочь кузнечного греха.
Всё одно! Вокруг беда!
И дорога в никуда!

Леся Россинина
Москва

Моему дяде, Дмитрию К., посвящается

Мой дядя был на той войне.
Красивый был, но очень молод.
Что знаю о его судьбе?
Вот, рассказать нашелся повод.

На желтых фото прошлых лет,
Померкнули молодые лица,
Как отдалить мне тот момент,
Когда все может позабыться?

С отцом сражался под Москвой,
Вгрызались в землю, умирая!
У каждого был жребий свой,
У каждого судьба другая.

Вторая битва – Сталинград!
Отца уж нет, война жестока.
В той бойне уцелел солдат,
Из смерти вырвался потока.

Но война святой удел,
Стране своей служить достойно.
Не прятаться от ратных дел,
Другие жили, чтоб спокойно.

Бой третий – Курская дуга.
С той цифры «ТРИ» – шаг в бесконечность.
«ТРИ» дела, слова, «ТРИ» шага...
Остаться жить, подвинув вечность.

Кто эту цифру «ТРИ» пройдет,
Кто в эту сказку поиграет,
Бессмертие тот обретет,
И жизнь у смерти отыграет!

Приказ получен: «Наступать!!!»
Любой ценой взять „Василево“,
Что от войны всем милость ждать,
Мир отстоять давали слово.

И клятву верности держа,
Присягу честно выполняя,
Идя по лезвию ножа,
За жизнь, со смертью играя.

Броня у танка велика,
Те, кто внутри, закрыт броней.
Пехоты участь нелегка,
Защита, собственной спиной...

Он не боялся наступать,
Свой долг солдатский выполняя,
Родную землю отстоять,
Других от смерти защищая.

Вот, миг, когда они сошлись.
ТАНК вышел против ЧЕЛОВЕКА!
Был бой жесток! Они дрались!
Секунда каждая – полвека!!!

Танк вспыхнул и горит огнем,
Застыл, ему не шевельнуться.
Солдат в сознании своем,
Рисует дом, чтобы вернуться!

Но силы нет, вперед идти,
Как решето пробито тело.
Друзья далёко впереди,
Но дело сделал он умело!

Он не пойдет уже домой,
Он не боялся так сражаться,
Чтоб не отдать земли родной,
Не кланяясь, на ней остаться...

И только маленький конверт,
Весть принесет о человеке,
Узнает мать, что сын поверг,
Врага, и...сам...ушел...навек...

Храм Воинской Славы!

18 июля 1964 года под предлогом строительства метрополитена, на Преображенской площади храм Преображения Господня был взорван. Это был последний в Москве факт уничтожения действующей церкви. К 2015 году храм был восстановлен по обмерным чертежам 1883 года и фотографиям XX века в таком виде, в каком его застал взрыв.

Здесь воссоздали храм, который погубили...
Его простой солдат закладывал в века.
И пусть святыню ту предательски убили.
У варвара-врага не дрогнула рука.

На полковом дворе построенная церковь,
За кровные гроши, явила миру лик,
Чтоб заходил в нее гуляка и отшельник,
Мог отдохнуть душой и юный и старик.

Преображенский полк!!! Истории солдаты!!!
Вы верностью своей прославились в веках!
Великому Петру, вы, присягнув когда-то,
России мир несли на собственных руках!

Во тьму не пропадет что создано во благо,
Обильно полито и кровью и слезой...
И пеплом прорастет, и ляжет тенью флага,
И возродится Храм духовной чистотой!

Столетия спустя, вновь поднялась святыня.
Пред ней, невдалеке, стоит простой солдат.
Они вдвоем теперь, с когда-то и поныне,
Свой караул несут, России мир хранят!

Крым-2016

Прекрасен видимый пейзаж!
Полет души, что легкий ветер!
Я радуюсь, как много лет назад,
Что есть такое место на планете!

Здесь древних крепостей немой укор,
Здесь Херсонес и город Симферополь,
Бахчисарай, и Ялта, и Мизхор,
И город русской славы Севастополь.

За полуостров милый и родной,
От зон степей и до садов шумящих,
Отцы стояли намертво, стеной,
И не боялись пуль на них летящих.

И тот, кто эту землю отстоял,
Другим ее для жизни оставляя,
Рукой своей российский флаг держал,
Его сынам и внукам завещая!!!

История, как ни крути, тверда,
Но и она умеет ошибаться,
А, правда независима, горда,
В наш мир приходит с совестью тягаться.

Как важно помнить, важно не забыть,
Места, где кровь людей пролита.
Народа ратный подвиг оценить,
Неужто все историей забыто?!

Но памяти живет святой закон,
Напомнит неучам истории былое!
Поднимется со всех земных сторон,
Святое воинство, российское, немое...

И будет охранять теперь в веках
России нашей, матушки, границы,
Я снова здесь, в Крыму, я слышу птиц в садах,
И солнца луч играет на ресницах!

Марина Зайцева (Гольберг)
Москва

Витязь на распутье
Такая великая и разноликая...

*...Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь!*

Н. Некрасов

Вечевая и земская,
Рабская и бунтарская,
Безбожная, пролетарская,
Царская, президентская,
Православная, языческая,
Пьянствующая и дикая,
Темная и космическая —
Мечтательница великая!

«Белый голубь – Чапай»

*Россия – страна с непредсказуемым прошлым.
Медийная реплика*

Белый голубь – Чапай.
Черный коршун – Колчак.
Сотню раз повернули
Все – и этак, и так:
Черный коршун – Чапай...
Белый голубь – Колчак...
Только как ни верти,
Только как ни крути —
В исторических дебрях
Истины не найти.
В зеркалах невзначай
Отразит полумрак:
Смерд налево – Чапай...
Барин справа – Колчак...

У картины Васнецова

Витязь встал у камня на распутье,
Молча на три стороны глядит:
Ехать вправо – козни; влево – плутни;
Прямо – в лапы смерти угодит...
Под конем шуршит песок зыбучий,
В вышине – зловещий грай ворон.
Крадучись, как волчьи стаи, тучи
На него ползут со всех сторон.
Соловей-разбойник дико свищет.
И трехглавый змей плюет огнем.
Отчины глухие пепелища
Тянутся за мрачный окоем.
Ранами и шрамами изменен,
Не умея живота беречь,
Развернул в косую сажень плечи —
Поскакал судьбе извечной встречу.
...Времена не изменились в сути:
Жизнь на милосердие скупа.
И как прежде – витязь на распутье.
И в траве белеют черепа.

«День ли... Ночь ли...»

День ли...
Ночь ли...
Ропот грома дальний...
Черный ворон...
Черная гроза...
На портретах
Маршалам опальным
Протыкали пальцами глаза.
Разве мы из плоти?
Мы из стали —
Если нашей вере нет конца.
И в мозгу, и в сердце:
«Сталин!»
«Сталин!!!»
Он один —
За мать и за отца.
Но пронзило
Ясностью горячей,
Будто бы отхлынула слеза.
Только что нам

Маршалам незрячим,
Всем, —
В ГуЛАГе сгинувшим, —
Сказать?
И уже вздохнуть
Пора бы вольно —
Идол сброшен.
Жертвенник погас.
Отчего же
Душам нашим больно?
Души, души,
Отпустите нас!..

Поэтам 30-х годов

Б. Корнилову, П. Когану, П. Васильеву

На крыльях бешеных романтики
Судьбу вздымая на дыбы,
Неслись в грядущее, как всадники,
О время расшибая лбы.
И нож, и пули настигали вас:
В боях, порой – из-за угла.
И навсегда озера ваших глаз
Метель эпохи замела.
Вы были в помыслах прекрасные —
Хуле и лжи наперекор.
Но мойры – судии пристрастные —
Свой подписали приговор.
И романтизм ваш был блистателен —
Свободы обогрен огнем.
Мои наивные мечтатели!
Вы все испепелились в нем.

Первая зима

Сестре Доре

Как свирепа 41-го зима!
Здесь сойдешь от слез и голода с ума.
А девчоночке всего шестой годок.
А блокада накатилась на порог.
А братишка – младше вдвое, слаб и худ,
С головой закутан в старую доху.
А в окне морозном мамы не видать.

И два дня, как в доме кончилась еда.
Вечерами свет включать запрещено.
И крест-накрест все заклеено окно.
И воюет где-то папа далеко.
И давно уже нет писем от него.
И еще не знает девочка всего:
Что погибнет ее папа через год.
Что в их дом снаряд
фашистский угодит.
Ранит с братом их. Все это впереди.
И что будет много сотен дней подряд
Защищать тебя и брата Ленинград.
Но уснула ты, умаявшись от слез.
За окном затвором щелкает мороз.
Спи, девчушка, спи...
Годину пережить —
И еще сто лет на свете
будем жить!

Мать космонавта

Она не вскрикнет: «Не пушу!» —
Хотя тревога сердце тронет.
Но лишь к сыновнему плечу
Тихонько голову приклонит.
А он к груди её прижмёт.
И налегке уйдёт из дома.
И беспримерный будет взлёт
Со стартплощадки космодрома.
Планете всей про наш успех
Москва торжественно объявит.
А мать об этом раньше всех
Сверхчутким сердцем угадает.
И звёздным возвратится сын.
А ей – регалии другие:
Бороздки новые морщин
И прядки свежие седые.

Нефтегорск

Нефтегорцы мои, нефтегорочки.
Крепко спите под глиняной корочкой.
Крепко гравием-щебнем укатаны.
Глубоко и надежно упрятаны.
Глубоко и надежно упрятаны.

Безутешно и горько оплаканы.
Отступились от вас МЧСники.
И закрыли досье ФСБэшники
И бюджету, конечно, отдушина:
Нынче средства на вас не отпущены
Ни на воду, ни на отопление,
Ни на прочее ученье-лечение.
Нет людей – нет проблем...
Вы не встанете.
Забастовками власть не достанете.
Зарастают вокруг вас дороженьки.
Но теперь все вы дома.
У Боженьки.

28.05.1995

«Безмерный мир и прост, и сложен...»

Безмерный мир и прост, и сложен —
И непонятен, между тем.
В нем царствуют системы множеств,
Царят в нем множества систем.
Звезда и капля дождевая,
Цветок, пылинка и агат,
И гамма-луч, и плоть живая
В себе загадочность таят.
Узор снежинки, след кометы,
Реактор Ферми, сердца стук,
Полет пчелы, венки сонетов —
Замкнулось все в единый круг.
И для людей стал камнем пробным
Мир, непонятный и простой.
Дыра озонная... Чернобыль...
И гриб зловещий над Землей.

25.04.1986

Афганистан. Эхо чужой войны

...Той земле очень хочется пить.
Там сто лет не бывало дождей.
Чтобы вдоволь ее напоить —
Нужно крови ей теплой твоей.
Та земля неспособна рожать —
Невлюбил эту землю Господь.
Чтобы щедро ее удобрять —
Ей нужна твоя сочная плоть.

Ну куда тебе, парень, идти,
Если все расписала судьба?
На войну! – нет иного пути.
Слышишь: рядом с тобою стрельба.
И с какой не взгляни стороны —
Нет резона стоять у крыльца.
Все одно: ты – заложник войны
А войне и не видно конца.

1979

Материнская явь

Это – сон?! Поскорей бы проснуться —
Сна тенета с лица стереть.
И в счастливую явь окунуться,
И в сыновни глаза посмотреть.
Бесконечный горячечный бред —
Может, ночь, может, тысячу лет...
То обстрела ночной кошмар
Или послепожарный угар?
Я одна – с керамической урной,

Что прикрыта салфеткой ажурной,
Мною связанной.
Кончен бой...
Не закрыть мне тебя собой.

«Я по улицам в недоуменье брожу...»

Памяти Бориса Чичибабина

Я по улицам
В недоуменье брожу
И привычного в них
Больше не нахожу.
Неуютно и зябко,
И горестно мне —
Словно я эмигрант
В своей бывшей стране.
Я иду по земле,
Всем чужая вокруг.
И не знаю уже,
Кто мне враг,
А кто друг?...
Не по-нашему здесь

Говорят и поют...
А в моих городах
Чужестранцы спуют.
А в моих деревнях
Запустения жуть.
А в моих родниках
Нездоровая муть.
Я не знаю корней.
Я не помню родства.
А на ниве моей
Трын-трава проросла.
Этой странной страны
Умер мудрый поэт.
И не знаю сама:
Я жива или нет?...

1991

«Скрипнет ствол, чернея наготою...»

Скрипнет ствол, чернея наготою.
Дрожь по голой кроне пробежит.
И пространство хмурое, пустое
Словно пеплом вдруг запорошит.
Сердце до краев нальется болью
Долгой астенической тоски.
Прогрохочет поезд, как обойму
расстреляв. На мелкие куски
Разобьется тишина над лесом —
Беженке приснится гул войны.
Хрустнет ветка
с пистолетным треском...
Смутным ожиданием полны,
Ощупью свой путь особый ищем
(Небеса осенние темны),
Как слепцы, кружа над пепелищем
Выжженной безверием страны.

«Вся страна, как лесная деляна...»

Вся страна, как лесная деляна:
Резка... Рубка... Откат... Распил...
Так ее распускают рьяно
На рубли, на баксы – в распыл!
Вкус наживы мозги дурманит.
Взятки... Подкуп... Обсчет... Обвес...

И наивную деву манит
С гнилью яблоком хитрый бес.
И отмажут за мзду, и засудят —
Разрешится любой вопрос.
Тридцать сребреников Иуде...
И распят на кресте Христос.

Светлой памяти наших надежд

Не дай бог жить в эпоху перемен
Конфуций

Эпохи ельцинской «сюрпризы» и «призы».
Теперь мы шлем ее к такой-то матери...
Но постигали мы тогда азы
Свободы и желанной демократии!
Рубили лес! И щепки, что в народ
Летели, не казались нам опасны...
Из прошлого страна рвалась вперед
Под триколором – растоптавши красный.
«Товарищей» сменили «господа»,
Тогда Союз наш в клочья разносило —
Ведь из туманна хаоса звезда
Надежды восходила над Россией.
Нас – сотворенный нами – вел кумир
(мы заповеди Божьи знаем плохо...).
Но нам тогда рукоплескал весь мир —
Ведь зарождалась новая эпоха.
И дров он наломал, да и голов...
Хлебнув сполна «совковые» мытарства,
Мы верили: не худший из миров
Он строит на обломках государства.
Примнилось: из туннеля брызнул свет.
Мы, голову сломя, туда рванули.
Но, протрезвев, плюем кумиру вслед
И материмся: нас опять «надули».

1999

Далеко от России

С Островов на Востоке
России в упор не видать.
За моря, за туманы смотри —
зря глаза промозолишь.
До Страны Поднебесной

зато нам – рукою подать.
До Страны Восходящего Солнца —
два шажка воробьиных всего лишь.
Здесь у времени тоже
какой-то особый отсчет:
Азиатское время
течет с нашим временем вровень.
Может, русские мы
иль какие другие еще —
Мы давно азиаты с тобой
по земле, по судьбе – не по крови.
А в Московии где-то
своя – непонятная – жизнь.
Для нее Острова те —
абстрактней, чем Северный полюс.
Ты за твердь островную
зубами покрепче держись.
А пока что до лучших времен
затяни-ка потуже свой пояс.
Нас тайфуны-цунами
с этой земли не сметут.
Лихолетье в муку перетрем
и невзгоды, как боль, пересилим.
И все реже нам снится
летний цветочный уют
Где-то в отчей рязанской,
вологодской и вятской России.

Шахидки

Мир – перевернутая пирамида —
Дрожит на безумия нитке.
И вот уже пояс тяжелый шахида
Затянут на теле шахидки.
Шахидки... Явление новое...
Диво!
И факт словообразования.
Лингвисты, внесите в словарь
коррективы,
Расширьте статью толкованья.
Что с миром случилось?
Природа восстала —
И «плюс» поменялся на «минус».
И женщина давит на кнопку запала,
В толпу беззащитную вклинясь!
Инстинкт материнства? —
Геном исковеркан.

Бесплодная плоть кровожадна.
Что жизнь сберегало —
померкло. Слепло.
Ослепшее – мстит беспощадно.
Мужском этот мир, в коем правит
жестокость,
Играющий в бомбы и танки,
Шахидки теснят —
«амазонки Пророка»
И войн бесконечных мутантки.

2000

Севастополь

*... Через весь океан, сквозь любой ураган
возвратятся домой корабли*

Севастопольский вальс

Поруганный, оболганный, побитый,
Как ветеран – ненужный и забытый,
Ты брошен был на произвол судьбы.
Достоинства ты все же не теряешь.
И по ранжиру улицы равняешь —
Ты полон жажды жизни и любви.
Пусть на щеке обветренной твоей
Болезненно щетина серебрится,
Но офицерской выправкой своей
Еще по праву можешь ты гордиться.
О Севастополь! – Воин и мужчина.
В глазах твоих растаяла кручина.
Сегодня ты не тот, что был вчера —
Закончилась нечистая игра!
Ты был врагам России не по нраву...
Но не стереть твою былую славу
С геройского и светлого чела.
Тебя спустить пытались, словно стяг,
Чтобы обречь на вечное забвенье,
И – слабого – поставить на колени.
Но ты – невзгодам вопреки – моряк!
Достоинство и Доблесть неизбывны.
Всем ураганам и штормам, и ливням
Тебя из нашей памяти не вымыть,
Из сердца россиян тебя не вынуть —
Как пулю, как осколок фронтовой,
Что по ночам к ненастью жжет и ноет.
И с честью снова вышел ты из боя,

Израненный, ослабший, но – живой!
Ты – город русской Доблести и Славы.
Здесь властвовали те, что были правы
Несправедливой, лживой правотой.
Сочтя слепой Истории капризы,
Мы встали выше распрей и обид.
Здесь каждый подвиг твой
В скрижали вписан,
Андреевскими флагами обвит.
А город покидали корабли...
И от Новороссийска и Кронштадта,
Владивостока и Калининграда —
Поклон ему великий до земли.

Вернулись в Севастополь, корабли!

2014

Девяносто две

Если б люди умели дышать под водой,
Он бы выжил – сыночек. Такой молодой...
И еще девяносто две выжили б с ним —
Что летели тем рейсом в сирийский Хмеймим.
В небесах если б люди умели летать
И свободно парить, словно птицы...
Только стрелки часов не вращаются вспять.
И чуда, увы, не случится.
И над морем всплывала белесая рань.
Полный штиль – на бескрайние мили.
Год собрал високосный смертельную дань.
И статистики список закрыли.
И ни звука. Ни всплеска – до рези в глазах.
Девяноста двух жизней никто не вернет.
Новогодний канун обернулся бедой.
Ветер скорбно эоловой арфой поет...
Если б люди умели парить в небесах!
Если б люди умели дышать под водой!

25.12.2016

Не вороши!

Уходят тихо наши ветераны —
Геройские уходят старики.
Но их портреты в синей майской рани
Сливаются в бессмертные полки.

Они навеки живы в сердце нашем —
Нам совесть не позволит забытья.
Поименованных и безымянных павшим
Бессмертье воздала страна моя.
Они ввергают в злобу и смятенье
Фашистов – не добытых в пух прах.
Наводит гордое России возрожденье
На выползков змеиных смертный страх.
Подонки Гитлера, бандеровцы наследный,
Когда ты ворошишь пчелиный рой —
Смотри: Бессмертный полк перед тобой.
И бой твой станет – первый и последний.

09.05.2018

Крымский мост

Осень. Сонно шуршит листва —
Готовит зиме колыбель.
Я сквозь шорох слышу слова:
Севастополь... Гурзуф... Коктебель...
У Никитских ворот стою —
Меня снежный закутал смерч.
Сквозь метель я громко пою:
Феодосия! Ялта! Керчь!
Ручейками весна зазвенит —
Птичий хор заполнит простор.
Буду в солнечный петь зенит:
Аюдаг! Карадаг! Ай-Тодор!
Вновь от зноя море спасёт.
Бриз прохладный спорхнёт от звёзд.
В Крым меня снова перенесёт
На могучей руке Крымский мост.

09.11.2018

Россия

Гудят бураны
хлесткие и злые,
Коростой стужи
даль обложена.
Весна крыла раскинет
над Россией —
От хворей вновь оправится она.
Ее мы обустроим и украсим.
Сожжем в костре

тифозное хламье.
Настанет на Руси
великий праздник.
Мы молимся усердно за нее.
Ведь преданность стране
у нас не птичья.
На юге птица
жить зимой вольна.
Легко любить Отчизну
в час величья.
Трудней любить,
когда она больна.
Мы окна ей широкие поставим.
Венцы заменим.
выровним пути.
И павших за нее
светло помянем.
И станет нам легко
вперед идти.

Минувшему веку

Век
Над Россией
Прокатил гремя
И скрежеща
Расплавленным металлом.
Там было все:
Победы и скандалы.
В избытке войн
Хватило
И огня.
Года неслись —
То с гиканьем и свистом,
То, в прозябанье,
Медленно плелись.
Там жили гении,
Авантюристы,
Монарх,
Безбожники
И коммунисты,
Герои,
Космонавты,
Террористы,
И рабство,
И свобода,
В общем – жизнь.

Какие имена
Остались там!
Их не укроют
Времени завесы —
Ученые,
Поэты, поэтессы:
Цветаева,
Флоренский,
Мандельштам...
О, беспощадна
К ним была страна!
Во имя
Непонятных идеалов
Их столько на алтарь
Советов пало:
И Гумилев,
И Пастернак,
И Бродский,
Есенин,
И Вавилов,
И Высоцкий...
Нам не оплакать
Эти имена...

...

Моя
Непредсказуема
Держава.
Тебя умом
И вправду не понять.
Ты со скрижалей
Символы сдирала
До мяса, —
Чтобы снова
Их принять...
Итожа
Все деяния твои,
И помянув без злобы
Век ушедший,
Утешимся —
С поправками на Вечность, —
Что мы,
Продравшись сквозь него
В крови,
Не растеряли
Веры и любви.
И сохранили в душах
Человечность.

2000

Марина Шамсутдинова *Москва*

Не пала Троя

*Расскажи о падении Трои
Раз уж нету других новостей*
Дана Курская

Не пала Троя, Агамемнон пал,
Царь Одиссей закопан как собака.
Достойным мужем Пенелопе стал,
Тот, кто прикончил в схватке Телемаха.

Израильтяне, как Троянский конь
Тараном не прошибли стены Трои.
Сошел с небес божественный огонь,
Защитой Трои стал славянский воин.

История не догма на века
Она из праха, завиранья, тлена.
Европы нет, Скамандрий – сын полка,
А Сирия – прекрасная Елена.

Украинская мифическая война

1.

Украинская мифическая
Война со своей тенью.
Включите же электричество.
Двое в комнате – я и Ленин.

Жертвы на этой мифической

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.